

A promotional image for a show. In the foreground, a man with a beard and blue eyes, wearing a white chef's hat and coat, looks directly at the camera with his hand near his chin. In the background, a woman in a white chef's uniform is sitting on the floor, looking down with her eyes closed and holding her hat. The setting is a professional kitchen with stainless steel counters, sinks, and a range hood.

**Ася
Невеличка**

ЖАРКОЕ из ШЕФА

Ася Невеличка

Жаркое из шефа

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66833418*

Аннотация

Она мечтала попасть на шоу Яна Заславского любыми путями. А когда выпал случай, воспользовалась им, выдав себя за... сына своего начальника!

Теперь надеется победить в голубой команде и получить вожделенное место шеф-повара в ресторане Заславского.

Но неужели никто не разгадает ее маскарад? И отдаст ли Заславский приз обманщице?

Содержит нецензурную брань!

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Смущающие размеры	13
Глава 2. Второй ярус	29
Глава 3. Игра на выбывание	48
Глава 4. Замес	63
Глава 5. Жесткий отбор	83
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Ася Невеличка

Жаркое из шефа

Пролог

Уже на подходе к кухне я мог понять, что впереди трудный день, все пойдет через задницу. Будут ожоги, истерики, капризы посетителей, разбитая посуда, испорченные заготовки и чьи-то порванные в клочья мечты работать в моем ресторане.

Нет, я не провидец. Я – владелец трех ресторанов со звездами Мишлен.

Ян Заславский.

Но неприятности я предугадываю по запаху!

Еще на подходе почувствовал запах сторовших овощей, а из помойки потянуло вонью выброшенной тухлой рыбы. Проще говоря – бесперспективной.

Мои стандарты не допускают «приправлять» несвежие продукты специями.

Но это *не моя* кухня!

Я тут в охоте за участниками нового седьмого сезона шоу «Пылающая кухня». Как знаменитый шеф-повар, я к тому же продюсирую суперуспешное реалити-шоу.

Присел за крайний столик у входа и взял ламинирован-

ное меню. Я изучал шаблонные блюда для провинциального пункта общественного питания, гордо причисляющего себя к ресторанам.

Оливье, мимоза, греческий... Ну да, куда же без греческого у берега Белого моря?

– Ой...

Я поднял глаза на девушку в грязном белом фартуке и с перекосившимся бейджиком на заляпанной униформе.

Ева.

Я прочитал имя проглотившей язык девушки и вернулся к изучению меню. Почему никто никогда не креативит?

Бифштекс, гуляш говяжий, рыба...

Гм... Рыба. Просто рыба... Какая? М-да.

– В-вы у нас... есть будете? – отморозилась неряшливая официантка.

– Вряд ли, – я брезгливо поджал губы, просматривая гарниры.

Макароны, рис, картофельное пюре. Не проще было бы повесить вывеску «Столовая» и кормить дальнобойщиков по приемлемым ценам?

Кстати, по ценам.

Посмотрел и расхохотался! Ценники действительно уровня ресторана.

Интересно, кто такой тупица – шеф-повар, который явно страдает манией величия, или владелец, который хочет выжать из умирающего заведения последние соки?

И тут повеяло аппетитным ароматом сдобы. Сахарной булочки с тонкой ноткой корицы и лимонной цедры.

Гм. Неужели здесь такие божественные десерты?

Но еще до того, как увидел блок в меню с фабричным мороженым, я понял, что этот съедобный аромат исходит от Евы.

Она подошла слишком близко и наклонилась надо мной через плечо, заглядывая в то же меню, что и я.

Почему я не удивлен, что официантка его еще не выучила? В моих ресторанах меню заучивается наизусть вплоть до развесовки.

– Присядь, – кивнул я на стул напротив, немного шалея от аромата, исходящего от нее.

– Я? – голос дрожащий, зато в глазах преданность и обожание.

Значит, узнала. Тем лучше.

Девчонка трюкнулась на стул не глядя, продолжая пожирать меня глазищами. Опять же в моих ресторанах этого делать нельзя. Не в свое рабочее время.

Я невольно засмотрелся на милое юное личико. Девчонка точно взрослая, хотя вначале показалась мне школьницей из-за худобы и нескладности. Но лицо серьезное, взгляд, если убрать из него вселенскую влюбленность, осмысленный. Губы... Губы сладкие, пухлые, подрагивающие...

Я отвел глаза, чувствуя снизу, что мысли свернули не туда. Черт.

Это все запах. Просто она очень вкусно пахнет. Очень. Так и хочется слизать с девчонки эту несуществующую глазурь.

– Вы у нас проездом или... ищете участников?

Пока я витал в порочных мыслях, совершенно мне несвойственных, Ева ринулась в бой.

– Да, присматриваю участников для шоу, – пробормотал я.

Запах выпечки и карамели сбивал с толку. Мысли расплывались мурашками по коже и совершенно не желали возвращаться к голове. Я на секунду забыл, зачем вообще пришёл в этот третьесортный ресторан.

Девушка напротив манила, как запретное лакомство. Но мне ли не знать, что избыток сахара плохо влияет на организм? Сначала получишь кайф, а потом настигнут последствия, которые будешь разгребать долгое время.

– Будет седьмой сезон?! – ахнула Ева, прижимая тонкие руки к худой маленькой груди.

Я опять засмотрелся на то, что мне нафиг не нужно. Но в голове сразу же пронеслось, что попади Ева в столицу, то первое, что она изменила, это грудь. Вставила бы себе импланты третьего размера.

Как моя жена...

Настроение моментально испортилось, стоило вспомнить об Алле.

– Скажи мне, кто у вас главный на кухне?

– Э-э, Степан Александрович. А что? Вы его хотите взять в шоу?

Ева вполне освоилась за столиком, уже убрала блокнот с ручкой в карман фартука и подалась ко мне, протыкая своим острым любопытным носиком и обдавая аппетитным запахом, в котором я еще уловил аромат жженой карамели. Тяжёлая нижняя нотка горечи, которая обязательно останется в привкусе после десерта.

Я бы ее съел.

Булочку.

С чертовой карамелью.

– Ева, как дела у вас в ресторане? Много бывает посетителей? Владелец закрывать ресторан не собирается?

Ева тут же откинулась на спинку и махнула рукой.

– А! Давно собирается, только никто нашу столовку покушать не спешит. Вот и тянем...

– Тянете, значит, – ухмыльнулся я, отодвигая меню. – Что ж, для вашего шеф-повара... Как его зовут, напомним еще раз?

– Степан Александрович! – послушно повторила Ева.

– Да, для Степана Александровича выпал счастливый шанс найти новое перспективное место для себя.

Я еще не закончил, но Булочка меня тут же перебила:

– А мне? Можно мне тоже шанс? – и снова наклонилась вперед, обдав сладким запахом, подвох которого я уже придерживал рукой внизу.

– У тебя есть профессиональное образование? – для про-
формы спросил я, зная, что все равно не возьму ее в шоу.

Мне работать надо, а не член рукой придерживать каждый
раз, когда Булочка будет проходить мимо.

– Н-нет, – стушевалась она.

А я выдохнул спокойно.

– Это шоу для профессиональных поваров. К тому же у
меня остался последний пригласительный билет. И он – в
голубую команду.

Извини, Ева, не в этой жизни.

В этой я уже женат.

Ева

Ян Заславский ушел.

Я не могла поверить, что сам Заславский, самый извест-
ный и горячий повар в мире, зашел в наш ресторан!

Нереально!

Но мое внимание привлек Степан Александрович. Вместо
того чтобы прыгать от счастья, он сидел, понутив голову, а
перед ним на столе лежала голубая пригласительная карточ-
ка от самого Заславского.

Я медленно подошла к столику и села на то место, где ми-
нуту назад сидел Заславский. Если бы не начальник передо-
мной, я бы стянула чехол и не стирала его, пока он пах тон-
ким парфюмом самого Заславского.

С ума сойти!

Я все никак не могла успокоиться!

Он такой охренительный, сексуальный, красивый! Ну как перед ним устоять?

Жаль, женатый и очень верный. Если, конечно, интернет не врет.

Я перевела взгляд на нашего владельца. Что-то отвело меня сказать Заславскому, что шеф-повар и есть владелец этого ресторана. Я пересмотрела все шесть сезонов и не по одному разу. Я знала, что собственников Ян в шоу не берет. Как и успешных поваров – зачем они ему?

Он берет только отчаявшихся и зарывших свой талант и любовь к поварскому искусству. Очищает, полирует, вдохновляет и дает второй шанс в удачных престижных ресторанах.

А нашему Степану Александровичу сейчас очень-очень нужен шанс!

– Вы пойдете? – в лоб спросила я, предчувствуя плохое.

– Не могу я, Ева... На кого я ресторан свой оставляю? К тому же Заславский не знает, что я владелец. Оформлено-то на жену...

Я гипнотизировала взглядом карточку с голубой окантовкой. Пропадет же! Ну почему мне так не везет? Почему я не пацан?

Готовить я умею, люблю. Пусть у меня нет профильного образования, зато какой опыт! На кухне я для Степана Александровича главная помощница.

Ну и зал обслуживаю... когда клиенты бывают.

– И что же... вот так упустить шанс? Пропадет же, а второй вряд ли представится!

Степан Александрович вздохнул. Оглядел наш потрепанный и порядком заброшенный зал и снова вздохнул.

– А ведь если пойти на шоу, – вкрадчиво начала я, – можно делать неназойливую рекламу нашего ресторана. То тут, то там слово обронить... Понимаете? Шоу Заславского очень популярное. Это была бы такая реклама! Ну и приз. Там же деньгами взять можно. Это огромная сумма!

– Понимаю... Жалею, что сын в автослесари пошел, а не по моим стопам. Вот его бы отправить на шоу, вместо меня.

– Дана? – опешила я.

Дан, конечно, отличный механик, но тот еще раздолбай! По части кухни он даже половник не знает, с какой стороны держать.

– Это станет худшей рекламой для нас. И приза тогда не видать как своих ушей. Вот если бы я могла пойти...

Тяжело вздохнула и приуныла.

Зато Степан Александрович моментально взбодрился, откинулся, чтобы оглядеть меня.

– Встань и покрутись.

– Зачем?

– Встань, говорю... Хм... А почему бы не поехать тебе?

Я повернулась к шефу и развела руками:

– Ответ же очевиден! Потому что приглашение в мужскую

команду, а я женщина.

— Какая ты женщина, — отмахнулся мой начальник, — кожа да кости. Надень на тебя штаны — в жизни никто не подумает, что перед ним девчонка. Сисек ты так и не наела.

Я покраснела, опуская голову и оглядывая свои плоские формы.

И я бы обиделась на Степана Александровича, клянусь! Но до меня дошла вся грандиозность его затеи!

А ведь я таким образом попаду на шоу к самому Заславскому!

— Уииииииии! — завизжала я, бросаясь на шею к шефу. — Тогда я в парикмахерскую! Мне же волосы остричь надо!

И понеслась, срывая на ходу с себя фартук и рабочую куртку.

Да ради возможности учиться у самого Яна Заславского я и мальчишкой могу побыть! Такие шансы не упускают.

Глава 1. Смущающие размеры

Спустя четыре месяца...

Алла вернулась с очередной подтяжкой и еще больше увеличившимися сиськами.

– Зачем? – я спросил холодно, чтобы сразу показать свое отношение к ее изменениям во внешности.

– Тебе не нравится, любимый? – улыбнулась жена накачанными губами-варениками.

– Я полагал, мы все решили. В этом году ты рожаеть ребенка и...

– И я не собираюсь кормить его грудью! – раздраженно прервала меня Алла.

– Пусть так, – аппетит пропал, и я резко отодвинул от себя тарелку с жидкой рисовой кашей.

На скатерти разлилось молочное пятно, и я чертыхнулся.

– Пусть так, – повторил я спокойнее. – Но не могла бы ты сосредоточиться на приготовлениях к материнству?

Алла прислонилась широким бедром к обеденному столу, нагло стащила с моей десертной тарелки черешню, выплюнула не глядя косточку и вызывающе наклонилась, подставляя мне под нос свой обновленный четвертый размер:

– Я не разучилась раздвигать ноги, дорогой. Это у тебя постоянно не хватает времени заделать нам бэбика. Может,

это тебе стоит тщательнее готовиться, чтобы стать папой?

Я резко встал, а она захохотала.

Мне казалось, что в последний раз я смог до нее достучаться. Видимо, показалось. Но, с другой стороны, мне и оправдаться нечем – последние полгода у меня на нее не встает. До этого я стимулировал себя, может, еще это сказалось на потенции, но трахались мы все реже и реже.

И да, мне проще было отгородиться от семейных проблем работой и срочной занятостью, чем идти и трахать эту раздувшуюся силиконом куклу.

На уме тут же всплыла провинциалка со сдобным запахом сахарной булочки. Тогда у меня не возникло проблем с потенцией. Я зажмурился, пытаюсь вспомнить ее лицо, но... тщетно. Помнил только, что худая, угловатая и неряшливая.

Последнее запомнил особенно. Я немного повернут на чистоте и опрятности.

– Янчик, может, нам повременить с бэбиком? – заныла над ухом Алла. – Мы еще не готовы. У тебя так много работы. Я еще слишком молода, чтобы портить свою фигуру...

Я открыл глаза, чтобы увидеть два надутых изогнутых вареника.

Внутри поднялся гнев, который сдерживать становилось все труднее.

– Моя работа обеспечивает нам деньги и комфорт. А чем занимается твоя фигура? – процедил я в лицо опешившей жене. – На что ты тратишь свою молодость?

– Ты мне предъявляешь? – вскинулась она.

Я схватил ее за шею, зная, что следующим будет попытка убежать. А мне хотелось договорить.

– Да. Я. Предъявляю, – припечатывал я каждым словом, разворачивая ее спиной к себе и наклоняя над столом.

Алла пыхтела и пыталась отбиться, но мне хотелось, чтобы она осознала свое положение. Или ты мать и жена, или ты содержанка.

Продолжая держать ее одной рукой за шею, другой я задрал подол и обвел полные, красивые ягодицы.

От гнева член в ширинке напрягся без всякого стимулирования. Может, это подходящий момент стать отцом?

Я одним движением расстегнул молнию на штанах, в два движения привел член к полной готовности и одним ударом вошел в Аллу.

Та взвизгнула, пытаясь достать до моих бедер руками и оттолкнуть, но я уже вбивался в ее тело, нагоняя напряжение и скорую разрядку.

Даже секс с ней давно перестал быть удовольствием. Еще одна обязанность, чтобы получить наконец ребенка. Стать полноценной семьей!

– Козел! – шипела Алла, стирая салфетками кашу с груди и своего утреннего платья. – Урод!

Я неторопливо застегнул ширинку, шлепнул Алку по заднице, заставив подпрыгнуть ягодицу, и договорил:

– В этом году у нас должен появиться ребенок. А теперь

вспомни, что ты в этом доме *пока еще* хозяйка, и прибери в столовой.

Я вышел, взял в прихожей разрывающийся телефон и сбежал из огромного дома, который отстраивал с такой любовью, чтобы счастливо жить большой семьей.

Но прошло десять лет, дом готов, а семьи как не было, так и нет.

Ни детей, ни весело таявшающихся собак, ни даже приبلудного помойного котят.

Твою мать! Не так я в уме рисовал свое счастливое будущее, когда стану всемирно известным шеф-поваром.

* * *

Просмотрев списки участников, я передал их помощнику Кириллу и кивнул.

– Ян Станиславович, заранее с участниками знакомиться будете?

– Нет, – настроение в норму так и не пришло.

Я по соцсети видел, что Алка вместо того, чтобы лечь в спальне с задранными ногами, уехала в бассейн на тренировку. В бассейн, мать ее!

– Мне что-то надо знать? – уточнил я у Кира.

– Ничего особенного. Но у нас одна замена.

Я вопросительно посмотрел на него, и Кир вернул мне поднос списки, тыча пальцем в одного участника мужской ко-

манды.

– Вместо Степана Митрошина приехал его сын Данила Митрошин. Пацан еще. Наверняка только из ПТУ выпустился.

– Совершеннолетний? – уточнил я, на что Кир кивнул. – Готовить умеет?

Кир расплылся в улыбке:

– Это мы проверяем, шеф!

– Тогда оставляй пацана. Где ему еще учиться, как не на Пылающей кухне Заславского?

Сегодня началась усиленная подготовка к съемкам шоу. Выходить в эфир оно будет после окончания сезона и монтажа всех серий.

Там я подключаюсь как продюсер. Продвигаю шоу в рамках ТВ-вещаний, выкупаю эфирное время на платных каналах.

А пока я искал спонсоров, инвесторов и включался в работу шоуменом.

Как каждый раз подчеркивала моя команда – все держится на моей личной харизматичности.

Я пролистал сценарий, подчеркивая для себя отдельные моменты по переходам, накалу и шуткам. Весь сценарий очень приблизительный. Никто не может предугадать, как действительно в реалити-шоу пойдет диалог. Кто из участников выкинет номер. Но что в меня вбили с первого эфира – шоу должно быть ярким, зажигательным и острым, что-

бы захватить внимание зрителя.

И это умение я оттачивал шесть лет.

В седьмом сезоне у нас, конечно, будет бомба, которая любит всех подстрекать. Стерва, которая все знает лучше всех. Заучка, самая прилежная и исполнительная. Роковая красotka, которая все отношения строит через личные...

Напротив списка я увидел пометки от нашего психолога, кто на какую роль претендует.

О да, полный букет психотипов.

Отложил сценарии и подозвал Кирилла.

– Что с доками?

– Читают, подписывают, – отозвался он, подглядывая в планшет и сверяясь с нашим рабочим графиком.

– Общежитие, кухня – готовы?

– Конечно, шеф. Есть задержки по ресторанному комплексу, но к первой съемке строители обещали все доделать.

Я кивнул и перешел к вечерней программе. К первому дню съемок и знакомству с кулинарными талантами новых участников.

Первый съемочный день

За декорациями – шквал эмоций. Зал наполнен поклонниками шоу и приглашенными звездами.

Я следил по мониторам, как шаг за шагом отрабатывается и снимается сценарий. Вот мои участники вышли из автобуса, огляделись вокруг. Оставили свои чемоданы и сумки ор-

ганизаторам. Пошли за Кириллом к сцене.

Они ошарашены приемом зрителей. Удивлены, возбуждены, растеряны.

– Ян, ваш выход! – сообщил мне координатор шоу.

Я поправил в петличке микрофон, глубже засунул наушник и натянул приветственную улыбку.

Несмотря на настроение и свой скверный характер, в шоу мне приходится много улыбаться. Я это исправно делаю.

– Встр-р-р-речаем! Я-а-а-ан Заславский!

Я влетел на сцену под крики, визги и свист обезумевшей команды и подогретых зрителей.

Утонул в овациях и обожании. Вскинул руки, виртуально обнимая всех гостей. И как только зал успокоился, поприветствовал участников.

– Шоу будет целиком зависеть от вашего рвения и старания! – кричал я им после приветственных речей. – Победа реальна. Только вытащите руки из задницы и начните ими творить!

Для меня сейчас эти двенадцать участников – абсолютные незнакомцы. Я запоминаю блюда, а не людей. В моей памяти только бесит, что плохие блюда и тех, кто их приготовил, я тоже запоминаю.

– У вас есть сорок пять минут, чтобы приготовить ваше фирменное блюдо и поразить меня! – прокричал я в два микрофона и жестом отправил участников на временную кухню.

Сейчас начнется концерт для зрителей с включениями

в перерывах онлайн-процесса на кухне. Съёмочная группа разделилась на две. Основная ушла с участниками, малая будет снимать реакцию зрителей.

А я после душа планировал засесть за мониторы, чтобы последить за тем, кто и как готовит.

Душ обязателен. Пятнадцать минут на сцене, и с меня текло в три ручья. От жары, от напряжения и софитов. Но это нюансы съёмок. Без них никак.

А через час я уже составил пары, которые будут соревноваться своими блюдами друг с другом. И почти для каждого придумал шутку и кличку.

Клички были моими фишками – так проще запоминать людей. Подмечаешь за ними деталь, даёшь кличку, и каждый раз она четко выручает, когда надо вспомнить, кто перед тобой.

Кирилл знал за мной такую особенность, поэтому уже стоял наготове со списком, чтобы отмечать и в последующем давать подсказки в наушник.

– Итак, начинаем пробовать ваши блюда. Но вначале напомним, что каждый из вас будет зарабатывать баллы для своей команды, розовой или голубой. Та команда, которая за сегодняшний вечер получит больше всего баллов, уйдёт со сцены с достойной наградой! Готовы?

Раскатистое «Да-а-а!» прокатилось по зрительному залу, и я посмотрел в свой список-подсказку.

– Первыми свои блюда покажут Андрей и Карина!

Ко мне поспешили участники из старой школы поваров. У каждого за плечами годы опыта, но именно с такими мне сложнее всего работать. Они настолько привержены традициям, что смотреть по-новому, пробовать современное, экспериментировать просто не хотят.

– Карина, кто ты и откуда? Расскажи нашим зрителям, а потом представь свое фирменное блюдо.

– Ох, Ян, сначала я хочу признаться вам в любви!

Я снова натягиваю свою лучшую улыбку, обнимаю тянущуюся ко мне тетушку, мысленно ставя галочку убрать ее в числе первых.

Ненавижу публичные признания, когда вынужден отвечать взаимностью.

– Меня зовут Карина, мне сорок шесть лет. Уже больше пяти лет я владею пивным баром и подаю самые горячие закуски к отменному холодному пиву!

– Отлично, Карина. Ты приготовила нам одну из своих горячих закусок?

Карина смущается, и это нормально. Никто из этих участников раньше не выступал на большую публику, не снимался на телевидении и не был под прицелом камер двадцать четыре часа все семь дней в неделю.

Но уже скоро они привыкнут. Все привыкают.

И начнут играть свои роли, которые уже предрек психолог. Все играют.

А психолог никогда не ошибается.

– Да, Ян. У меня баклажанные рулетики «Пальчики оближешь»!

Я знал, что внутри убойная приправа сыра с чесноком.

– Под пиво – отличная закуска, Карина, но где мое пиво? – усмехнулся я, разворачивая рулет и убирая начинку.

Если я сейчас съем тот чеснок, который она добавила в блюдо, это отобьет все вкусовые рецепторы, и я не смогу больше оценивать другие блюда.

– Спасибо, Карина. В следующий раз обязательно захвати пиво.

Карина – моя Мамушка.

Всех накормит, приголубит, будет тушить ссоры и скандалы и создавать одну большую дружную семью. Ценное качество, но не в шоу.

Шоу держится на скандалах и интригах. На обиженных и амбициозных.

Прости, Карина, но ты недолго продержишься в моем шоу. Пару-тройку недель, чтобы сгладить первые стрессовые дни от попадания в экстремальные условия шоу и съемок.

Я повернулся к Андрею, который тоже к своим пятидесяти годам открыл небольшое кафе и очень гордился своим меню. Андрея я запомнил уже по тому, что он готовил быстрые блюда из свежих продуктов.

Это безусловно достойно уважения!

На тарелке Андрея лежала хрустящая гренка и жареные грибы с луком и морковью. Все это нереально пахло и очень

хотелось попробовать.

Я отломил кусочек гренки, вилкой подцепил грибы и все это отправил в рот.

– Чуть-чуть пересолено. С этим тебе еще придется поработать. Но балл достается голубой команде! – принял я решение, отпуская первых участников.

Карина расстроилась, но я подмигнул ей, и она заулыбалась, пообещав без пива ко мне не подходить. Но проблема была не в пиве и даже не в чесноке. Она передержала баклажаны в масле, начинила их сыром с майонезом – мощный удар жира по печени. А я за здоровую пищу. Потому победил Андрей.

– Жду Ангелину и Дана! – крикнул я и сразу выделил из строя эффектную красотку.

По покачивающимся бедрам и соблазнительной улыбке я понял, что попаду в оборот сразу. Имя ангела ей не шло, зато характеристика от психолога точно совпадала. Охотница. Я подписал Ангелину в своих списках так.

Шок настиг, когда она оказалась в шаговом расстоянии от меня, и мои ноздри затрепетали от запомнившегося запаха сахарной булочки.

Я даже не стал уворачиваться и подставлять щеку, когда Ангелина хищно бросилась мне на шею, чтобы поцеловать.

В тот момент, одурманенный сладким запахом и собственной реакцией, я хотел понять, откуда во мне странное чувство дежа вю? Ведь раньше я Ангелину не встречал.

Уж я бы запомнил!

Губы сочные и неожиданно с привкусом мяты и клубники. Я отстранился и сразу услышал подсказку оператора через наушник:

– Ян, вам стоит вытереть губы. Они блестят. А вам не идет клубничный цвет, шеф.

Я усмехнулся, взял салфетку из стопки, приготовленной рядом для дегустации. Иногда блюда настолько фирменные, что глотать опасно. И посмотрел на тарелку Ангелины.

– Салат? – скептически протянул я, а пацан, стоящий рядом с девушкой, отвернулся и прыснул.

Я нахмурился.

Дан. Замена одного из участников, точно. Я вызвал его с Охотницей, которую мысленно уже переименовал в Клубничку, чтобы сразу создать любовный конфликт.

В таком возрасте парни сексуально агрессивные, быстро вспыхивают и клеятся к симпатичным девчонкам. Сейчас его должно бомбить от ревности, что она кинулась целовать меня, а не забавлять.

Сценарист похвалит меня, что я на первом же эфире смог создать любовный треугольник. Это же шоу! Салага мне не соперник, естественно. А у Клубнички нет шансов на меня. Но эта ситуация поможет им обоим раскрыться, и может быть, у парня еще будут шансы присунуть обиженной Клубничке.

Обижать здесь я буду всех!

– Это самый вкусный салат, Ян, который ты пробовал в своей жизни!

Я улыбнулся, разглядывая Клубничку. Что же вызвало реакцию? Ведь не может быть виноват только запах...

У меня ощущение, что я вижу в ней Аллу. Ту, в которую влюбился без ума десять лет назад. Которую готов был носить на руках и добиваться, игнорируя толпы поклонников. У Ангелины свежее лицо, без накачанных губ и скул, настоящая улыбка с немного неровным рядом зубов, зато это так по-настоящему! Глаза еще светятся от веры в чудеса. Она уверена, что выиграет это шоу...

С салатом.

– Салат, приготовленный за сорок пять минут? Парень, скажи, за сколько бы ты нарезал этот салат?

Салага не сразу сообразил, что я обращаюсь к нему, зато потом, преданно глядя мне в глаза, назвал точное время:

– За пятнадцать минут, шеф!

Я одобрительно кивнул.

– Хорошо, Ангелина. Я попробую твой салат. Надеюсь, оставшиеся полчаса ты приправляла его любовью.

Пока все смеялись над шуткой, я пытался прожевать непромытые листья салата, недоваренную куриную грудку и переваренные яйца.

Недолго существовал наш любовный треугольник. Несмотря на аппетитный запах, я бы хотел выгнать Клубничку с шоу, не заселяя в общежитие. От нее не будет никакого

толка.

Выплюнул салат и повернулся к Салаге.

Тот суетливо и как-то неуверенно придвинул мне свое блюдо.

На большой тарелке сиротливо лежали три бледных клецки.

– Что это?

– К-куриные клецки.

Я повертел тарелку.

– Это закуска?

– Нет, шеф. Основное блюдо!

Самоуверенный пацан.

– Для детской кухни?

– Вас мой размер смущает? – осторожно уточнил Салага, а зал взорвался хохотом.

– За свой размер смущайся сам! – рыкнул я, отделяя половину клецки и пробуя на вкус.

На удивление вкус куриного мяса оказался сбалансированным, грудка, выбранная для приготовления, не пересушена. И в целом Дан должен был получить балл, ведь салат Клубнички рядом не стоял.

Но меня закусило.

– Знаешь, чего не хватает твоему блюду?

– Нет, шеф, – Дан по моему выражению лица понял, что я выкину его блюдо в урну.

Физиогномист хренов!

– Яркости и размера, – беспощадно добил я парня, беря тарелку Клубнички и выкладывая салат на тарелку Салаги, оформляя законченное блюдо, каким оно должно было предстать передо мной.

Дан покраснел. Ангелина хихикнула.

В нем больше гордости и самокритичности, чем в ней. Он продержится дольше.

– Балл получает розовая команда! За яркость и креативность.

Пацан оказался раздавлен, но проглотил мое решение и вернулся на место. Зато Клубничка от благодарности снова повесилась мне на шею, но я уже не почувствовал запах булочки...

Что еще за галлюцинации обоняния?

Я быстро прогнал оставшиеся пары, убедился, что никаких сюрпризов не будет, и огласил первую команду победителей.

– Поздравляю девушек с первой победой! Вы надрали задницы нашим парням, и теперь у вас есть право выбрать, какие спальни общежития вы займете! На выходе вас ждет лимужин с баром и обаятельный водитель.

Женская команда завизжала, а парни с завистью покосились на неё.

– Что ж, голубая команда. Чтобы попасть на пылающую кухню, вам придется убрать временную, погрузить на грузовики все оборудование, и только потом вы отправитесь на

автобусе отдыхать. Как вам такой план?

Никому из парней он не понравился, но они знали, куда шли! В моей кухне плохо готовить нельзя. Пусть усвоят этот урок с первого дня шоу.

Глава 2. Второй ярус

Ева

Я не думала, что будет так тяжело!

Нет, про то, что придется грузить, таскать и пырять, я догадывалась. Но то, что буду спать крохотной комнате с тремя двухъярусными кроватями, пользоваться общим душем с тремя кабинками, разделенными только клеенчатыми шторами...

Это как?

А очень просто! Три комнаты по две нормальные постели заняли девушки. Вот у них и туалет нормальный был и душ отдельный при комнате с дверью. А мы – так. Общежитие же!

Заславский просто присудил эту победу девчонкам. Специально!

Я не злилась так, даже пока разбирали временную кухню. А вот когда увидела условия, в которых предстоит прожить полтора месяца, напряглась.

Меня поймают.

Поймают и выгонят!

Выгонят и прославят так, что ни в одной кухне потом работать не смогу. Да что там работать! Я же учиться мечтала. На повара-кулинара. А с такой славой ни один колледж меня не примет.

– Эй, малой, будешь спать наверху, – пробасил Семен и бросил в меня свернутое полотенце. – А сейчас беги в душ.

Вот черт...

– Я потом, – проблеяла я.

– Когда потом? Время два ночи. Потом уже подъем будет. Шевелись, давай!

Я уныло пошлепала в душ. К другим двум голым парням, плевавшим на шторы. Они плескались и переговаривались, обсуждая девчонок из розовой команды.

– Этой кукле я бы впендюрил, – ухмылялся Василий, ожидая одобрения Константина.

Но тот сосредоточенно мылся, никак не отреагировав на реплику.

– Больше и посмотреть не на кого, согласись? Одна старая жаба, вторая на няньку из детсада похожа. На мамаш у меня не стоит, а кукла зачетная. Может, я когда выиграю, предложение ей сделаю?

Василий захохотал и заметил меня.

– Чего стоишь, дрыщ? Вставай под душ, там нас еще трое ждут. Им тоже помыться не мешает, а то всю ночь вонять будут.

Я боком прошла к крайнему душу, еще не представляя, как объясню, что буду мыться в майке...

Константин внимательно посмотрел на меня и внезапно задернул шторку между нами. Я от благодарности чуть не захлебнулась.

– Эй, ты чего? – начал Василий, но Константин только буркнул в ответ:

– Сейчас пеной наплескает, а я только смыл.

Вот вроде он о себе беспокоился, но мне стало спокойнее, что я могу закрыть шторы и никому не объяснять, почему моюсь в майке и трусах.

После первого дня очень хотелось рыдать.

Проигрыш был нечестным и обидным. Я видела, какие блюда приготовили участники. Мое было неплохое, но Заславский заставил проиграть меня какому-то салатику от... от куклы!

Бесит!

Я залезла на второй ярус, повернулась на бок и снова наткнулась на внимательный взгляд Кости. Он тоже спал на верхнем ярусе, а Вася под ним.

И чего смотрит?

Я недовольно пробормотала «спокойной ночи» и перевернулась на другой бок.

Вспомнила, как кукла вцепилась губищами в Яна.

Вот если бы я участвовала в женской команде...

Закрывает глаза и представила, как выношу превосходное блюдо Яну, как он наклоняется над ним в изумлении от оформления. Пробует и улыбается. Потом поворачивается ко мне и сам тянется поцеловать.

А я только скромно подставляю щеку. Потому что с жена-тыми мужчинами я, конечно, не целуюсь.

На губах расплылась блаженная улыбка, и я отключилась, представляя вкус поцелуя Яна Заславского.

– Встае-е-ем! Р-р-рота подье-е-ем!

Не знаю, кто орал, но я вскочила и сразу же рухнула вниз, забыв, что сплю теперь не дома, а в общежитии на верхнем ярусе.

Рухнула на Семена, только благодаря ему ничего не сломала, но получила леща.

Снова стало больно и обидно.

– Чего горланишь, придурок?! – это проснулся Вася и сразу наехал на Филю.

– Потому что у нас десять минут, чтобы собраться и спуститься вниз. Шеф так сказал.

– Хуле ему не спится? – тяжело простонал Андрей, поглядывая на часы. – Пять утра, ёпт!

Телефоны у нас забрали в тот момент, как мы подписали договора. Так что дядя Андрей нас выручал. У него одного были наручные часы.

Пока мы толкались в ванной, я снова поймала себя, что даже утром уединиться не получится. Кто-то чистил зубы, кто-то полез под душ, кто-то брился. И все толкались стояками...

Кроме меня.

Для них это была норма.

Кроме меня.

Когда я наклонилась, чтобы сполоснуть рот от пасты, сза-

ди опять кто-то впечатался мне в зад крепким таким хреном.

Я взвыла и подскочила.

Сзади стоял Костя.

– Извини. Хотел пройти.

– К-конечно, – выдохнула я, пропустила Костю и теперь старалась не оттопыривать так задницу.

Но ощущения от утреннего подъема были не те. Не знаю, сколько я так протяну.

Через десять минут ни один из двенадцати участников не стоял на кухне перед шефом. А когда все собрались, Заславский рвал и метал разве что не молнии.

– Еще одно опоздание – вылетите все разом! Мне проще набрать новых участников и переснять шоу! Ясно?

Мы как-то вяло ответили, что Заславскому, конечно, не понравилось:

– Единственный ответ, который вы произносите в мою сторону: Да, шеф! Повторить!

– Да...

– Да, шеф...

– Шеф...

– Отвратительно! Если не хотите сегодня поехать на городскую помойку перебирать отходы, то соберетесь и отчеканите!

Он орал. Но после его угрозы и мы проорали все как один:

– Да, шеф!

– Еще раз.

– Да, шеф!

– Еще.

– Да, шеф!

– Да, шеф!

Не знаю, сколько раз он заставил нас повторить, прежде чем остановил.

– Сегодня вы готовите завтрак из трех блюд за двадцать пять минут. Это будут яйца.

Мы переглянулись. Яйца не проблема приготовить. В чем подвох?

– У каждого из вас будет только три яйца. И приготовить нужно три блюда.

Ага, вот и подвох. Все надо сделать с первой попытки. Исправить не получится.

– А какой приз, шеф? – сунулся Василий.

– У тебя – два яйца на три блюда. У кого-то еще остались вопросы?

Ян обвел всех взглядом, я вообще предпочла опустить глаза в пол.

– Итак, через двадцать пять минут я жду от вас яйцо в крутую, яйцо-пашот и...

Василий застонал, уже принимая свое поражение. Из двух яиц он не сможет приготовить три полноценных блюда – рецепты не те.

Все затаили дыхание – будет еще один подвох?

– Яичницу-глазунью. Но такую, чтобы пальчики облизать!

Понятно? Время пошло!

Сказать, что мы выстрелили как из пушки – ничего не сказать. И вот тут началось случайное падение яиц. Теперь стало понятно, что помимо качества приготовления – что тут готовить-то? Яйцо сложно испортить, – баллы будут раздавать еще и за количество.

Я нежно прижала яйца к груди и метнулась вслед за девушками в розовую кухню.

– Дан! Стоять! – резко тормознул меня шеф. – Ты заблудился в собственной ориентации? Или не различаешь цветов?

Я мысленно себя обматерила, развернулась и рванула в голубую кухню.

Черт, черт, черт! Мне так ошибаться категорически нельзя!

В голубой я снова встретила внимательный, даже придиричивый взгляд Константина. Что ему надо? Не нравится мне этот взгляд. Вдруг он что-то подозревает?

Аккуратно выложив яйца, я взяла небольшую кастрюлю, налила холодной воды, кинула туда соль и положила одно яичко. Это будет вариться вкрутую.

Многие это яйцо оставили на конец, но у меня был особый способ приготовления, чтобы яйцо не стало резиновым, а нежным и полностью проваренным.

Пока вода закипала, я огляделась. Многие начали со сложного, с яйца пашот. И все пять мужчин готовили его тради-

ционным способом. Кипятили воду, добавляли уксус, закрывали воронку и запускали туда жидкое яйцо.

Но это был очень рискованный способ, я давно использовала другой – две минуты, и идеальное яйцо пашот готово. К тому же не пользовалась уксусом, от него обычно всегда оставалась неприятная кислота. В общем, пашот я оставила на конец, а пока поставила сковороду на плиту, достала металлическую форму круга для аккуратной глазуньи и зарылась в специях, планируя удивить шефа вкусом.

Яйцо, закипевшее в кастрюле, сняла ровно через минуту, убрала, не доставая из кастрюли, с плиты, и накрыла полотенцем. Вот теперь, постояв минут пятнадцать в горячей воде, оно проварится, не лопнет и не станет резиновым. Мое яичко будет идеальным.

Теперь глазунья. Ее идеально готовить на сливочном масле. Яичница станет ароматной. А вот если перед этим пожарить на той же сковороде бекон, а потом пустить яйцо, все это на пять минут накрыть крышкой, по готовности посолить и посыпать свежей мелконарезанной зеленью – ммм... ум отъешь, не то что пальчики оближешь.

Работа кипела.

Я уже закончила глазунью. Попробовать не могла, но на вид она получилась отменной, а на запах – аппетитной. Пошла доставать яйцо вкрутую, чтобы остудить его в холодной воде, и ахнула.

Кастрюля оказалась пустой!

– Кто взял мое яйцо? – гаркнула я, привлекая к себе внимание.

– Яйцо прошляпил? – неприятно ухмыльнулся Вася. – Следить за своими яйцами надо. А то с одним у тебя голос писклявый. Бабский. Может, отдать тебя в розовую команду, пацан?

Я кипела! Бессильно сжимала кулаки, но ничего не могла поделать! Ну не лезть же в драку? Сама виновата, надо было следить...

Время поджимало.

Стирая злые слезы, я занялась яйцом пашот. Опустить, не повредив желток, в пиалу с водой. Добавить соли. Поставить в микроволновку примерно на две минуты. И следить. Иногда мощность микроволновок разная, поэтому важно углядеть, когда схватится белок, и прогреть еще ровно минуту.

К исходу времени пашот было готово, я достала идеальное яйцо ситечком и оставила стекать. Достала две тарелки, чтобы сервировать блюда и поняла, что сковорода с глазуньей тоже пропала.

Руки опустились. На глаза навернулись слезы. И при этом я понимала, что тут каждый за себя. Никто меня жалеть или защищать не станет.

Все хотят получить должность су-шефа в ресторане Заславского. Такая зарплата и такой класс в нашей стране не получишь больше нигде. За такой приз тут будут рвать глотки.

Убрала одну тарелку и занялась сервировкой яйца пашот. Обидно, что Заславский не попробует мои яйца. Не удивлюсь, если их не присвоили, а просто выкинули в урну, чтобы исключить меня из команды первой.

– Время закончилось! Остановились.

Заславский зорким глазом следил за двумя кухнями все двадцать пять минут. Теперь позвал всех выставить готовые блюда перед собой на длинную стойку, разделяющую кухонную зону от ресторанной.

Мы все растянулись вдоль стойки. Большинство с тремя тарелками, кто-то с двумя, и только я отличилась с одним-единственным блюдом.

– Вижу, почти все сохранили свои яйца. Даже в команде девочек. У вас три минуты, чтобы почистить яйцо вкрутую и поставить его в подложку.

Повара проворно открыли колпаки и быстро сняли скорлупу с вареного яйца. Но не все. Я стояла и смотрела в потолок, а потом на матюгающегося Василия, который никак не мог снять скорлупу своими неуклюжими толстыми пальцами. В результате на его подложке красовалось яйцо все в мелких и крупных кратерах, как побитый метеоритами спутник.

– Приступим к дегустации и выявлению победителя?

Заславский, похоже, обожал разговаривать сам с собой, потому что на любую его реплику, кроме «Да, шеф!», никто ничего не смел отвечать.

И тут все дружно промолчали. Ну хоть какое-то единение!

– У розовой команды из тридцати шести блюд готово только двадцать пять. Надо полагать, одиннадцать яиц вы не уберегли или испортили?

– Да, шеф...

– Это почти тридцать процентов потери продукта, – подчеркнул Заславский. – Ребята со своими яйцами были аккуратнее и сохранили двадцать семь штук. Шанс выиграть у голубой команды выше.

Всегда стоит помнить, что это соревнование не только на качество, но и на количество.

Заславский взял маленькую ложку и, начиная с женской команды, пошел щелкать по яйцам на подложке. Легко ударял ей по маковке яйца, ложка отскакивала, и шеф сразу переходил к следующему.

Там, где ложка почти не пружинила, Заславский задерживался и разделял яйцо пополам, осматривая структуру желтка.

– Итого, розовая команда за вареные яйца вкрутую получает всего пять очков из двенадцати. Посмотрим, насколько круты мужчины.

Я стояла первой из голубой команды, и Ян застыл с занесенной ложкой передо мной, с изумлением глядя на единственное блюдо.

– Ты смелый парень, да? Почему из единственного уцелевшего яйца приготовил пашот, а не вареное? Второй спо-

соб менее рискованный.

– Да, шеф, – пробубнила я, косясь на мужчин своей команды.

Что, думали, наябедничаю?

Шеф пошел стучать по нашим яйцам. Ложка в основном подпрыгивала, а Заславский морщился, пока не добрался до щербатого яйца Василия.

Тут с интересом остановился, снял верхушку в одно касание, потом поделил ложкой яйцо пополам и прицокнул языком.

– Идеальное.

Я подавила резкий вздох, боясь выдать свою неуместную радость.

– Дам сразу пять баллов, если расскажешь, как варил, чтобы не сделать яйцо резиновым, как у остальных. И объяснишь свою ошибку, почему оно чистилось с трудом. Ты ведь ее осознал?

– Э...

Василий мельком посмотрел на меня. Я поджала губы.

Ну давай, выкручивайся, а я посмотрю!

– Я...

Начал неуверенно Василий.

– Я его... сварил.

Заславский расхохотался.

– Сейчас ты удивишься, но вареное яйцо варили все! Разве что кроме вашего Дана. Как ты его варил?

– Обычно, – пожал Вася плечами, – залил водой и поставил на огонь.

– И в чем секрет, что у всех получились яйца-мячики, и только твое с нежной консистенцией и не переваренное?

– Я просто следил за ним, шеф! – отчеканил Вася.

Следил он, ага, чтобы стащить!

– Теперь расскажи, почему не смог почистить его аккуратно?

Вася скривился.

– Ну... Может, потому что оно... нежное?

Неожиданно Заславский повернулся ко мне:

– Дан, выручай команду. Пять баллов это яйцо уже не получит, но спаси хотя бы три. Ты знаешь, как почистить правильно сваренное яйцо?

– Да, шеф...

Я покраснела. Мне было лестно его внимание, но сейчас все двадцать пять пар глаз, и видеокамеры, и взгляды членов съемочной группы сосредоточились на мне. А я поплыла от страха и неуверенности.

К этому никогда не привыкнешь.

– Я... я... думаю, что его надо было дольше подержать в холодной воде и...

– И? – потребовал объяснения шеф.

– И покатать по столу, шеф, чтобы скорлупа стала мелкой сеточкой. Тогда и снять ее было бы проще.

– Верно, – то ли похвалил, то ли подписал мне приговор

Заславский. – И три очка достается голубой команде благодаря безъяичному Дану!

Я вздрогнула, а ребята сдержанно похлопали, испепеляя меня взглядами.

Почему Заславский назвал меня безъяичной?

Господи, неужели он уже знает?!

Но шеф сразу перешел к дегустации яиц пашот. Теперь я с гордостью могла ждать его оценки.

В нашей команде справились почти все, у кого в принципе оставалось три яйца. Те, кто их разбил, не стали рисковать и готовить.

Заславский подошел ко мне, разделал ложкой яйцо, удовлетворенно отметил вытекающий желток. Поддел ложкой немного белка и попробовал.

На секунду застыл, поднял на меня взгляд и попробовал еще раз.

– Ты готовил яйцо нетрадиционным способом?

– Да, шеф, – почти прошептала я.

Стоящий рядом Константин хмыкнул, но тут же подавил усмешку под суровым взглядом шефа.

– Отлично.

Он отошел от нашей стойки огласив баллы и перешел к девушкам.

– Нетрадиционный, значит? – вполголоса подколот Костя.

– Зато самый верный, – отрезала я и отвернулась.

Мне было интересно, похвалит ли он еще кого из пова-

ров. Но нет. Заславский просто начислил очки девушкам и попросил оставить на стойках только глазуньи.

Вот тут у меня засвербило. Я посмотрела на блюда парней, сразу узнавая свою глазунью на тарелке Филиппа. Слишком ровная, красивая и... моя!

Вот ведь шакалы! Но главное, чтобы победила команда. Мои умения Заславский оценит позже, уж точно не на приготовлении яиц.

– У девушек неплохой вкус. Общий счет розовой команды – пятнадцать баллов! Смогут ли их догнать и перегнать парни?

Он подошел ко мне и развел руками.

– Ах, Дан. Я забыл, что тебе меня накормить нечем. И это ноль баллов в копилку команды.

Он перешел к Косте, потом к Василию. Похвалил грибную глазунью Семена и раскритиковал у Андрея. Потом остановился перед моей глазуньей у Филиппа.

Я затаила дыхание.

– Ты единственный догадался приготовить ее в форме, – отметил Заславский. – Расскажи, что в составе?

Филя бойко начал перечислять ингредиенты, которые видны невооруженным взглядом:

– Яйцо, шеф!

– Да неужели?

Блин, шутки и язвительные реплики Заславского в шоу с экрана смотрелись куда смешнее, чем когда он шутил в лицо

и над твоим блюдом!

– Еще бекон, шеф!

Заславский попробовал и прикрыл глаза. Я знала, что в этот момент он раскладывает приготовленное блюдо на составляющие элементы. Только он мог на вкус определить все ингредиенты!

– Какие специи ты использовал, Филипп?

– Соль и перец, шеф! И свежую зелень.

Я не удержалась и прыснула.

– Что-нибудь еще? – спросил Заславский.

Филипп напрягся.

Вообще, мы даже без его-моей глазуньи выиграли конкурс. У нас на текущий момент было уже шестнадцать очков против пятнадцати женской команды, но...

Это было *мое* блюдо! И мне хотелось с ним заработать еще балл и похвалу.

– Еще он жарил ее на сливочном масле, шеф, и немного добавил тертый сыр, прежде чем засыпать зеленью, – влезла я в разговор, но тут же осеклась и добавила: – Я просто рядом стоял и наблюдал... Шеф.

– Вот как... Значит, рядом лучше видно, как и с чем готовится глазунья? Филипп?

– Д-да... Я подзабыл, шеф. Спасибо, малец. Так и было, сливочное масло и сыр.

– Тогда это заслуженный балл! Итого, голубая команда зарабатывает на яйцах семнадцать баллов против пятнадцати

розовой команды.

Мы обрадовались!

Я бросилась в объятия Кости, он был ближе ко мне. Тот сурово обвил меня руками, приподнял, не особо торопясь отпускать и жамкать Васю.

Но тут в нашу радость вмешался Заславский.

– Кухня учит не только вкусу, точности и расчету. Она еще учит дружбе, взаимовыручке и честности. Дружбе с коллективом, в котором вы работаете каждый день бок о бок. Взаимовыручке коллег, когда приходит понимание, что только работая сплоченно, одной командой, вы достигнете результата. Честности перед клиентами, которые доверяют вам самое важное, что у них есть – свое настроение, свое время и свое здоровье!

Я прониклась его словами и посмотрела на Василия и Филиппа. Вася опустил взгляд в пол, а Филя продолжал нагло смотреть шефу в глаза. Мне бы такое не понравилось. Вот и Заславскому тоже не понравилось, поэтому он еще раз подчеркнул:

– Кухня учит доверию. Когда каждый из вас готовит на кухне и не ждет подлости от товарища, зато всегда уверен в поддержке. Сегодня за отведенные двадцать пять минут голубая команда приготовила больше всех блюд. Молодцы.

Мы вроде расслабились. Сейчас нам назовут наш приз, и я почти взмолилась, что нам разрешат занять женские спальни. С кем бы я выбрала спать? Наверное, с Костей, он кажет-

ся дружелюбным и честным. По крайней мере, не воровал мои яйца.

– Вот только я не верю, что можно готовить глазунью и забыть, какие ингредиенты туда добавлял и на каком масле жарил.

Филипп перестал улыбаться, а меня пробила нервная дрожь.

– Так кто готовил эту яичницу, Филипп?

– Я, шеф!

– В моей кухне есть два правила: не опаздывать и никогда мне не врать! – рявкнул Заславский, а я снова вздрогнула. – Дан! Кто готовил глазунью?

После предупреждения врать было страшнее, чем подставить команду.

– Я, шеф...

– Минус балл голубой команде, – тут же отреагировал шеф. – Но вы по-прежнему лидируете. Или кому-то из вас есть в чем признаться?

Заславский в упор смотрел на Василия. Тот молчал. Костя рядом тихо выругался.

– Пофиг. Снимут балл – будет ничья.

– Я взял уже сваренное яйцо. Оно просто долго стояло в кастрюле. Про него явно забыли, шеф, – говорил Василий. – И я в первую очередь заботился о команде, нашей общей победе, шеф. Взаимовыручка, все дела.

Я было пискнула, хотела возразить, что ничего я про него

не забыла! Но Костя вовремя щипнул меня на задницу, и я заткнулась.

– Если кто-то забыл про яйцо или разбил его, тот выстав-
ляет на конкурс только свои блюда, – четко проговорил За-
славский. – Мы никогда не берем и не присваиваем чужие.
Так, Василий?

– Да, шеф! Простите, шеф. Этого больше не повторится.
Вы должны снять с нас балл за сваренное яйцо.

– Хм...

Заславский выглядел удивленным.

– Дан, напомни мне, сколько баллов я начислил за яйцо
вкрутую вашей команде?

– Три балла, шеф, – на последнем дыхании ответила я,
понимая, что сейчас произойдет.

– Точно. Минус три балла. И розовая команда побеждает
в соревновании и получает технические карты нашего ресто-
ранного меню! А голубая будет их заучивать за пять часов
до открытия ресторана «Пылающая кухня»!

Глава 3. Игра на выбывание

Ева

Ничего не предвещало расправы...

Хотя чего это я? Все как раз ее и предвещало! Только я не могла поверить. А как же дружба? Доверие?

Вася проходил мимо и то и дело задевал то плечом, то локтем. Я сцепляла зубы, чтобы не вскрикивать каждый раз от боли. Зашла в душ, чтобы посмотреть, есть ли на моем теле еще место для синяков.

Там меня заловил Филя.

– Ты чего, сопляк? Правил игры не знаешь?

Он так приложил меня к стене, что на минуту я ослепла и задохнулась. Открывала и закрывала рот, не в состоянии вдохнуть хоть глоток воздуха. Второй удар под ребра помог.

Я согнулась пополам от боли, но хотя бы раздышалась и заорала.

Еще один удар в живот, и из глаз брызнули слезы.

Это было жестоко! Подло. Грубо. Нечестно!

Я только помнила, что падать нельзя. Ногами могут запинать до смерти. Еле стояла, вжимаясь в стену душа, и ждала сокрушающего удара. Вот сейчас он вмажет мне в лицо, проломит череп, и конец.

И шоу конец, и жизни, и мечтам моим несбыточным...

И все из-за какой-то яичницы!

– Какого хрена! Оставь его!

В душ ворвался Костя. Из-за слез я его не видела, но узнала голос.

– Козлов надо учить! – не мог успокоиться Филя. – Или гнать из стаи.

– Не трогай его, – Костя загородил меня.

Не обнял, не спросил, все ли в порядке, но и бить меня не давал. Вот тогда меня накрыло, и я зарыдала навзрыд.

– Держи свой поганый язык за зубами, падла. Или зубов лишишься, – прорычал мне в лицо Филипп и вышел.

Я, дергаясь и охая, сползла по стенке на пол. Села на задницу и рыдала. Костя остался рядом. Тоже сел, но молчал все время, пока я плакала.

Когда прошло полтора часа, встал и подал мне руку. Помог встать.

– Пока не высовывайся. Сиди ниже травы. Понял?

Я кивнула, подходя к умывальнику и пытаюсь привести себя в порядок холодной водой.

– Кстати... Ты на гормонах, что ли? – неожиданно поинтересовался Костя, уже стоя в дверях.

– Я?.. Н-нет...

– Странно. Такой чувствительный.

Я промолчала, а Костя ушел.

Впереди целый вечер работы в команде, а я была разбита в прямом и переносном смысле. К тому же не чувствовала к команде никакого доверия.

Внутри опять затряслось, но я подавила новый приступ жалости к себе. Умылась и вышла в комнату, чтобы взять чистую одежду и провести вечер нормально.

А нормальным для меня было готовить.

На кухне общежития никого не было. Все, кто хотел, поужинали, побросали грязную посуду и ушли в комнаты отдыхать.

Я перемыла посуду и столы. Достала муку, большую чашку. Намесила в ней тесто для сдобных булочек, добавила лимонной цедры и поставила выпекаться. Между делом сварила мятную глазурь, чтобы покрыть булочки сверху, и следила за готовящейся карамелью на плите. Это была особая фишка моего фирменного десерта.

Жженая карамель, раскрошенная и посыпанная на глазурь, придавала легкую горечь булочкам и делала вкус ярче.

Степан Александрович больше всего расстраивался, что пока я на шоу, некому будет печь мои восхитительные десерты.

Когда я очнулась от мыслей, покрывая испеченные, сладко пахнущие булочки глазурью, на кухне собрались почти все участники шоу. Все слетелись на запах, жадно и с любопытством втягивая носом дразнящие запахи сдобы, мяты и карамели.

– Угощайтесь, – предложила я, выкладывая на блюдо булочки.

– Ничего себе, а Даня-то с сюрпризом, – пропела Клуб-

ничка, первая выбирая булку.

– Ты умеешь удивлять, – подтвердил Костя.

Мне приятны были похвалы, но главное, я снова чувствовала уверенность в себе.

Пусть обманом, но я не зря попала на это шоу. Значит, у бога кулинарии есть на меня определенные планы!

И тут как гром среди ясного неба раздался голос Заславского из громкоговорителя на кухне:

– Всем срочно собраться внизу!

– Этот дьявол хоть когда-нибудь спит?! – заворчала Карина, поднимаясь. – В пять разбудил, в десять уже без ног спать должен, а он опять зовет!

Но внизу мы простояли недолго.

– По правилам шоу, каждый вечер после обслуживания вы номинируете слабого игрока, и он покидает шоу. Сегодня обслуживания не было, только конкурс. Но я принял решение, что один участник из голубой команды уйдет с проекта.

Мое сердце ушло в пятки. Да что там ушло – рухнуло. Не сомневалась, что это буду я...

– У вас пять минут посоветаться и решить, кого номинировать на выбывание. Я жду два имени.

Парни сразу сгруппировались в круг без меня. Я попыталась протиснуться, но Семен меня отпихнул.

– Мелкий однозначно, – проговорил Андрей, даже не обернувшись на меня. – Кто второй?

– Кто-то из накосячивших, – произнес Костя. – Вася или

Фил.

– Чего сразу я? – вскинулся Филипп. – Если бы этот козел рот не раскрывал, то очко было бы наше. Вот Вася сильнее прокололся.

– Голосуем, – отрезал Семен.

Что они там делали, я не видела, но почти одновременно встали в шеренгу и посмотрели на шефа.

– Решение принято? – уточнил он, глядя на Семена.

– Да, шеф. Сегодня мы единогласно выдвигаем Дана...

– Почему? Каждый свой выбор обосновывайте.

– Дана, потому что вместо трех яиц он приготовил одно, чем подвел команду.

Заславский нахмурился и покачал головой:

– Вы невнимательны. Ваш Дан приготовил три яйца, а подвели команду те, кто решил присвоить его яйца себе.

Девчонки прыснули, но Заславский поманил меня пальцем.

Черт, а я так ждала, что он изменит решение.

Сделала три шага к нему и остановилась.

Заславский поменялся в лице. Глаза сузились, ноздри затрепетали и взгляд стал темным и грозным.

Он подошел ближе, снова втянул носом воздух возле меня и поднял руку. Сразу прошла команда «стоп съемка». Заславский покосился на девушек, прошел мимо их строя, видимо, тоже обнюхивая.

– Вы уже успели поужинать? – удивленно спросил Заслав-

ский.

– Да, шеф! – дружно выдали участники обеих команд.

– И что вы ели? – Ян остановился слишком близко к Ангелине.

Я видела шефа только со спины, зато Ангелина вся вытянулась, выпятила грудь вперед, а в глазах у нее заплескались огоньки. Она точно флиртowała! Опять!

Ведьма!

– Сахарные булочки с мятным сиропом, – процеловала она каждое слово, а у меня от такого умения мурашки побежали в неприличных местах.

Представляю, как на этот голос реагируют мужчины!

Из любопытства обернулась, и конечно, все как один тарасились на Ангелину, раскрыв рты и капая слюнями.

Мужики!..

Я демонстративно отвернулась.

– Что-нибудь осталось? – неожиданно изменившимся тоном, глубоким и хриплым уточнил Заславский.

Вот от его голоса я вся покрылась мурашками и вздрогнула, соловья от желания...

Да, когда я снова обернулась, вся женская команда пожирала Яна глазами. Но он смотрел только на одну, на Ангелину.

– Кажется... да...

Заславский бегло осмотрел всех и наткнулся взглядом на меня.

Боже, я чуть не кончила!

Он *так* смотрел! Таким взглядом, что земля уходила из-под ног...

Невозможно...

Нереально...

– Ты! Метнись, принеси мне булочку.

И я помчалась, перепрыгивая через две ступени, чтобы как можно быстрее вернуться к Яну.

Я помчусь куда угодно, если он пошлет. Если он вот так будет глядеть *на меня*...

Ян

Я снова не смог.

После съемок конкурса приехал домой, загнал жену в спальню и... не смог.

Я импотент? Мне стоит пойти провериться? Импотент – это навсегда, или возможны вспышки эрекции?

Погуглил. Отшвырнул ноут, выяснив только, что у меня психологическая импотенция. Жена меня напрягает, потому на нее не встает. А работа расслабляет – отсюда эрекция.

Но как, твою срань, ко всему этому относится чертов сладкий запах булочек?

Еще днем его не было, и вот опять.

Я втянул носом аромат от пацана, почти готовый прибить его за то, что у меня начинается эрекция. Но потом прошелся и понял, что запах распространяется от всех участников

шоу.

Значит, реакция не на парня. Уже хорошая новость. Не он меня расслабляет. Не он один.

И в тот момент, когда в моей руке оказалась виновница эрекции, я вкусил личный афродизиак.

– Неплохо, – пробормотал я, закрывая глаза и пытаюсь разложить все вкусовые гаммы. – Не хватает пышности тесту и не соблюден баланс сладкого.

Я открыл глаза, но Клубничка, напротив которой я продолжал стоять, все так же безмятежно улыбалась. Зато Салага хмурился и по-девичьи закусывал щеку изнутри.

Он-то чего парится? Это Ангелине париться надо, ее булочки не идеальны!

– Ян Станиславович, продолжим съемку? – вмешался в мои мысли голос режиссера.

Я кивнул, занимая исходную позицию и подзывая к себе Дана.

С ним ситуация сложилась нехорошая. С одной стороны, парень прилично готовит. С другой, его не принял коллектив. Не принял единогласно.

Я убрал половину булочки в бумажный пакет и в карман. Сейчас выгоню одного участника и сделаю с женой то, что должен был сделать с первого раза.

Чертова булочка! Теперь я уверен, что все получится.

Дело не в десерте и не в человеке, а в крепкой ассоциации запаха с работой, которая меня расслабляет. Так получается.

И судя по торчащему в штанах члену, я чертовски сильно люблю свою работу!

– Кто второй номинант? – спросил я Семена.

– Э-э... Второй номинант – Василий.

– Почему?

– По результатам общего голосования шеф, – Семен развел руками.

– Конкретнее.

– Ну, было два кандидата – Вася и Фил. Но по итогу именно за васино яйцо сняли три балла. Поэтому он идет номинантом.

– Логично, – я кивнул, подзывая Василия.

И посмотрел на Филиппа.

Я вернулся, когда мне позвонил режиссер и спросил, будем ли оставлять кадры драки.

Драки, нахрен! На первом же конкурсе!

Я метнулся обратно, хотя это стало отличным отмазом для Аллы. Срочная работа. Опять. Да, без конца. Деньги легко не даются.

И вот теперь передо мной битый и один из хитрецов. Но я уже посмотрел кадры избиения и знал, кого выгоню первым. Еще до обслуживания первого вечера.

– В этот вечер вы должны были усвоить первый урок, что победа зависит от слаженной и честной работы команды. Но я не мог отпустить вас отдыхать, потому что настало время второго урока. Кто прав? Сильный или честный?

Стоящие напротив меня участники молчали. А я продолжал размышлять.

Салага не продержится долго, есть ли смысл тянуть его мучения?

Но если оставлю Фила, он будет уверен, что большинство вопросов можно решить с помощью кулаков. С другой стороны, для шоу выгоднее оставить обоих и снимать драки после каждого ужина.

Только это не мое шоу. Я ищу не клоунов, а хороших поваров, которые любят свое дело.

– Филипп, выйди к нам. Ты будешь третьим номинантом от меня.

– За что? – тот не спешил, развязно продолжая стоять в шеренге.

Уже за одно это пренебрежение лишился бы у меня должности, но здесь шоу. А в шоу все подчиняется правилам и рейтингу.

– Ты взял чужое приготовленное блюдо, а это против правил кухни. Здесь мы всегда презентуем то, что приготовили своими руками.

– Пф... Не доказано.

Я наклонил голову, чтобы не вспылить. Если я еще сомневался, кого выгнать, стоит ли пожалеть парнишку и отпустить, или все же наказать наглого вора и преподать всем урок, то теперь сомнения закончились.

– Зато остался вопрос. Кто прав? Сильный или честный?

– Я не понимаю, шеф, – продолжал спорить Фил. – Если вы спрашиваете меня, кого выгнать, то гоните слабого вруна. Он тянет нашу команду на дно, и утопит все ваши рестораны.

Тут Дан резко повернулся, с чего-то решая, что ему тоже можно высказаться.

– Я не...

– Молчать! – рявкнул я.

Дан сразу поник, повернулся ко мне и опустил голову. Вот пусть так постоит, целее будет.

Я повернулся к Филиппу:

– Я всегда выгоняю тех, кто считает, что правда в силе. Нет, Филипп, она в честности. Дан, – я обратился к парню, но продолжал смотреть на Филиппа, – скажи, кто приготовил глазунью?

– Я, шеф, – убитым голосом ответил он.

– Понимаешь, Филипп? От того, что ты сильнее и можешь его запугать, правда не изменится. Он прав, а ты покидаешь шоу. Отдай мне фартук.

– Да подавитесь!

Филипп сорвал с себя голубой фартук, швырнул его в мою сторону и пошел в сторону выхода.

– Если ты хочешь написать заявление о побоях, – обратился я к Дану, но тот быстро замотал головой и перебил меня.

– Нет, не буду. Не хочу. Но я рад, что он уходит.

Я пожал плечами и остановил Василия, решившего вернуться в строй.

– Я еще не закончил.

Осмотрел оставшихся мужчин.

– Я хочу раз и навсегда пресечь любое насилие. Где бы вы ни находились, здесь за всеми следит камера, – краем глаза я заметил, как дернулся Дан, должен быть благодарен, что мы ничего не упускаем. – И в случае необходимости мы готовы вызвать полицию и представить доказательства. Это понятно?

– Да, шеф!

– Можете быть свободны.

Камеры выключились, помощники сняли с меня микрофоны, и я побрел на выход к стоянке, сжимая в кармане оставшуюся половинку булочки.

Если мои выводы верны, то с зачатием у нас с Аллой проблем не будет. У меня их не будет. А Алле придется очень постараться, чтобы и дальше жить в роскоши и достатке.

* * *

Утром я торчал на своей кухне и смешивал ингредиенты для сдобной булочки с мятной глазурью.

Вчерашняя половинка помогла, но быстро закончилась. Бежать в общежитие и выпрашивать добавки было стыдно. Ну не у Клубнички же кланчить!

Первая партия булочек не получилась. В них отсутствовал лимонный вкус и нотка жженной карамели. И вообще, мои

булочки были *другие*!

Вторая партия отправилась в мусорку вслед за первой.

К пятой партии я уже психовал не в состоянии повторить долбанный вкус гребаных булок!

Ничего. Я решил поймать девчонок на приготовлении и выманить рецепт. Лишь бы они на диету не сели.

Выходной логичнее было провести дома. Позагорать, поплавать в бассейне. Но вышла Алла, томно потянулась и под села ко мне, загораживая солнце и шарясь руками в районе ширинки.

Несмотря на въевшийся в меня запах булочек, у меня не стояло...

Психологический дискомфорт.

Я стал четко разделять свое состояние расслабленности и напряжения. Алла меня напрягала, булочка расслабляла...

– Сегодня конкурс десертов, – заявил я с порога, только появившись на кухне на следующий день.

Я должен узнать рецепт чертовых булочек, не выдавая своего особенного интереса к ним.

– Нет, – отрезал режиссер, – сегодня ты расставляешь их по секциям и проверяешь на знание меню.

– Черт...

Это важный этап не для шоу, а для слаженной работы кухни в вечера обслуживания. Мы не снимали это для шоу, но камеры работали, чтобы при монтаже сделать больше эмоциональных нарезок.

– Ян, все нормально? Ты какой-то взвинченный с самого начала шоу.

Я натянул улыбку, хлопнул режиссера по плечу:

– Я в норме. Небольшие проблемы, но все почти уладил. Почти.

Мне просто надо в сознании поменять местами булочку с Аллой. И все снова станет нормально.

– Выводи ребят. Проверим, насколько у них хорошая память.

И первое, что я почувствовал, когда команды спустились вниз, возбуждение!

Это просто преследование какое-то. Грех словно ходит за мной по пятам! Что за черт? Вчера я извел все ингредиенты в собственном доме, пытаясь приготовить сахарные булки, но так, как сейчас, у меня не стояло!

А может дело не только в запахе, но и в том, от кого он исходит?

Я сразу пошел к девушкам, выстроившимся в ряд. Начал с Клубнички и...

Мимо.

Как это?..

Твою мать, она больше всего подходила на роль моего секс-катализатора.

Как пес, я переходил от одной к другой, обнюхивая Карину, Машу, Олю, Катю... Свету?

Нет. Ни одна из них не пахла так, как надо.

Более того, эрекция начала спадать.

Может, у меня проблемы не с потенцией, а с головой?

Я вернулся на свое место и снова дернулся от удара ниже пояса. Невольно скосил глаза на мужскую команду... Ну нет... Или да?

Семен, пекущий булочки? Хотя кто его знает...

Снова сделал жест режиссеру и подошел к мужской команде.

Не Семен. Не Андрей. Не Вася и не Костя...

Нет.

Нет, черт побери!

Хотя член упорно голосовал «Да», выпирая в сторону Да-на...

Глава 4. Замес

Ян

Я стоял напротив Салаги и не знал, как унять свое буйное либидо. Голова не соображала, зато гребаный член раздувалось от желания.

Сцепил челюсть и еще раз принялся.

Дан пах как чертова сахарная булочка.

Очень съедобно и с неправильным сексуальным подтекстом для меня.

– Я смотрю, ты подсел на сладкое? – холодно поинтересовался я, а Дан вздрогнул и опустил глаза.

Потом снова вздрогнул и поднял взгляд. Я поморщился. Некоторые реакции тела не скрыть никакой одеждой. К сожалению. Но ведь до него я обнюхивал девушек. Пусть думает, что у меня не прошла реакция после них.

– Да, шеф... То есть, нет. Я...

– Пахнешь булочками с мятным сахарным сиропом, – закончил я за него.

Дан коротко кивнул.

– Пытаюсь усовершенствовать рецепт после того, как вы раскритиковали, шеф.

Я попытался вспомнить, когда успел раскритиковать. И в памяти всплыли все мои неоднозначные реакции на запах. Рядом всегда оказывался Дан.

Первое шоу-знакомство: я вызвал Клубничку и Дана...

Номинация участников: я послал Дана за булочкой, и он стоял рядом, пока я пробовал ее.

Только. Блядь. Не это!

У меня что, проблемы не с потенцией и не с головой, а... с ориентацией?

– Я. Запрещаю. Тебе. Печь. На моей долбаной кухне. Булочки, – отчеканил я, развернулся и выбежал с кухни, догоняемый криками режиссера.

Все, что я смог – отправить су-шефов разбираться с навыками своих новых поваров. Те проверят знание технологических карт, умение готовить горячее, гарниры и салаты, распорядятся насчет заготовок к вечеру.

А вечером...

Вечером я как-нибудь справлюсь с потрясением.

Наверное.

Перед тем как уехать к Бергеру, я убедился, что камеры, следящие за общежитием, выключены, и пошел проводить следственный эксперимент.

Прежде чем я признаюсь другу в тяге к парню, мне самому лучше в этом убедиться. Еще раз. Или даже два...

Я поднялся на третий этаж над рестораном-павильоном «Пылающей кухни». Здесь запах сдобы был сильнее. Ноздри сами собой затрепетали. Со стороны я, наверное, был похож на зверя, вышедшего на охоту за самкой...

Хорошо, что этого никто не увидит!

На стойке возле плиты еще осталась пара булочек. Я взял одну, уже зная, кто печет эту адскую смесь, и надкусил.

Ну какое улучшение? Они и так превосходны!

Это как маленький вкусовой оргазм во рту, набирающий обороты и пробирающий все тело. А главное, когда я ем сахарную булочку, то не думаю о Дане, но определенно испытываю возбуждение.

Ободренный первыми результатами, я развернулся к стойке и раскрошил булочку. Текстура, наполнитель – все гармонично, а вот я больше использовал разрыхлителя, не подумав, что плотность как раз нужна для концентрации вкуса.

Лизнул мятную глазурь и тихо застонал.

Все в идеальном балансе. Не представляю, что еще может сбалансировать сильный вкус мяты, кроме плотной текстуры сдобы.

В общем, я прав. Салаге печь запрещено. У меня стоит исключительно на работу и отлично откалиброванный рецепт.

И ничего больше!

Но черт меня дернул свернуть в спальню парней.

Ну вот какого хрена, спрашивается, я там искал?

Комната с тремя двухуровневыми кроватями – и я безошибочно, по запаху нашел место Дана. Постоял, прислушиваясь к себе и легкой нервозности. Подтянулся и лег на его место.

Кроме усилившегося эффекта присутствия, во мне воз-

росло напряжение. Нет, не возбуждения, слава богу, а страха от подтверждения, что меня тянет к парню.

Но вроде ничего такого не произошло.

Я постарался расслабиться... Закрыв глаза... Сосредоточился на вкусе булочек и...

В памяти почему-то всплыл один ничем не примечательный провинциальный ресторан. Я даже не помнил, кого там искал. Наверное, кого-то из участников. Я не мог вспомнить ни места, ни лиц, но что-то в этом воспоминании меня тревожило. Нет, скорее, волновало.

Что?

Я повернулся набок и уткнулся в подушку, бездумно вдыхая аппетитный запах глубже.

Что в том ресторане? Что-то уютное, родное. Я мысленно огляделся, но такое место не могло мне понравиться, я не мог о таком мечтать.

«Будете у нас есть?»

Я вспомнил голос. Вот теперь стало теплее... Голос. Он волновал. Не так... Он будоражил чем-то, о чем я мечтал, но никак не мог получить.

Попытался вытащить из памяти больше. Разглядеть, кому принадлежит этот голос.

Но я никак не мог разглядеть лица, меня словно слепило солнце. Хотя какое солнце в запущенном ресторане с немытыми мутными окнами? Скорее уж нимб над чьей-то головой...

Только над чьей?!

Я разглядел заляпанный фартук со следами муки. Маленькую аккуратную грудь. Это точно девушка. И у меня к ней осталось теплое чувство... Ну или местами горячее. Неправильное, греховное... Но такое сладкое.

Снова втянул носом запах сдобы.

Булочка.

Да, теперь я вижу связь запаха с тем, что важно для меня, но на что я не обратил внимания. Булочка, девушка.

Точно девушка, а не парень! Просто это проклятие какое-то, что на моем шоу есть Дан и он пахнет как та чертова Булочка!

– Шеф?! – снизу раздался испуганный возглас упомянутого не вовремя Дана. – Что вы делаете в моей кровати?

Хотел бы я знать! Но сейчас повернулся и лег на живот, чтобы не породить ненужные слухи.

– Устал, решил прилечь, – проворчал я, тут же вскидываясь и другим тоном отвечая: – А почему ты здесь, а не на кухне?

– Отпросился...

– Куда отпросился? Поспать?

– Н-нет... в туалет.

Дан покраснел и опустил глаза, а я как дурак разглядывал его пунцовые щеки, длинные ресницы и надутые губы, к которым очень хотелось прижаться. Чисто в научных целях. Узнать, такие же они сладкие на вкус, как и на запах.

– Уходи, – с трудом проскрипел я севшим голосом, понимая, что проблема у меня обострилась.

Но Дан упорно продолжал стоять и краснеть у кровати.

– Что?

– Н-ничего...

– Тогда свалил! И чем быстрее ты вернешься на кухню, там проще будет нам обоим!

Он тут же развернулся вокруг своей оси и, дерзко виляя задом, помчался вон из комнаты.

Я протяжно застонал, затыкая потрясенный рев подушкой. Но от ее запаха внутри все свело судорогой.

Ну как? Как, твою мать, работать, когда от близости с Салагой у меня все мысли перетекают вниз и требовательно пульсируют прижаться к нему как можно теснее?

Как я это объясню жене?

Как, к чертям, я объясню это себе?!

С трудом встав, придерживая рвущийся наружу член, вышел из мужской спальни. Если в чем-то не смог разобраться, лучше прибегнуть к совету. А кто лучше всего меня поймет? Только давний друг!

К Бергеру. Срочно излить душу Лехе, пока не натворил бед. Похерю всю наработанную репутацию нахрен, если свяжусь с мальчишкой! Тем более на шоу!

Если бы еще в Америке... Там бы это только приветствовали, а здесь...

Черт, как все сложно.

Бергера застал не в духе.

– Хорошо, что ты пришел, – в спешке проговорил он. – У меня все рушится к чертям! Но хоть обед по расписанию.

Я кивнул, прошел на кухню, зная, что как только Леха освободится, то обязательно заглянет сам. Ну а я пока успокоюсь. За готовкой я всегда восстанавливал равновесие и набирался сил.

Для меня готовка – магия.

Я повязал фартук, наточил рабочие ножи, проверил, чем заполнила холодильник Виктория, помощница Бергера. И взял свежайшую вырезку телятины.

Бергер был единственным исключением, кому я готовил лично трижды в неделю. Остальные дни, насколько я знал, тот ужинал в клубах и ресторанах. Но в мои дни – всегда дома.

Леха единственный, кто поверил в мой талант молодого двадцатипятилетнего парня. Не просто поверил, а вложил, не пожалев рискнуть первым заработанным капиталом.

В двадцать лет я уговорил Алку выйти за меня замуж, наобещав золотых гор, звезду с неба и яхту в море. Но все мечты разбились о суровую реальность. Молодой неопытный повар не нужен был ни в одном ресторане. А в кухне кафе мне максимум доверяли чистить картошку и резать хлеб.

На заработки от таких кулинарных шедевров я смог предложить Алке только общагу и питание в контейнерах из кафе, в котором работал. Она героически продержалась пять лет, давая мне шанс раскрутиться и показать себя.

Но в двадцать пять я был на грани полного отчаяния. Уже доработал до повара секции в ресторане, но все, что там ценилось, это не оригинальные блюда, а как приготовить испорченные продукты, чтобы ничто не пропало и никто не просек.

В один из дней с отравлением полегла вся смена поваров. Я остался один, а зал арендовал Бергер. В тот день мы оба сделали ставку на жизнь.

Я обливался потом и кровью, готовя смену блюд из собственного меню на свой страх и риск, не предупредив ни администратора, ни управляющего. Более того, закупил на последние деньги, отложенные на аренду квартиры, свежие продукты, рыбу и вырезку.

А Бергер пытался убедить крупных бизнесменов страны доверить ему акции для выхода на международную биржу.

Гений-инвестор и гений-повар в тот день были в одном шаге от краха.

В итоге мы оба выиграли. Не сразу, но, в конце концов, благодаря друг другу.

– Прости, я замотался, – Бергер зашел на кухню и сел на высокий стул у стойки, где я крошил овощи. – Вика чудачит, Влад заигрался в шпиона, а японская биржа сегодня решила

выкинуть фортель. Бесят, суки.

– Понимаю, – протянул я и отложил нож.

На всякий случай.

– У меня тоже нарисовались проблемки. Точнее, одна.

– Алла? – попробовал угадать Бергер.

Я поморщился. Алла уже перевалила в раздел «Проблема». Ее я бы не посмел преуменьшать.

– Нет. Дан. Данила «Салага» Митрошин.

– А в чем проблема? – не понял Бергер.

– Я хочу его трахнуть, Леха.

Признался и выдохнул, боясь поднять на друга глаза.

– В каком смысле трахнуть? По голове? – опешил Бергер, но лишь бы к шутке все не свел.

– Нет. В прямом смысле. Поставить его раком... Или как их ставят?.. И трахнуть.

Бергер озабочено потрогал мой лоб, поморщился.

– У тебя горячка, Ян?

– Если бы... – буркнул я и снова взял в руки нож, заметив, как они трясутся.

Мне нужно было успокоиться, а что меня успокаивает? Конечно, любимая работа!

Но Леха решительно выдернул нож и убрал в выдвижной ящик.

– Мне надо закончить, – попытался сопротивляться я.

– Ну нет. Твоя проблема серьезнее, чем обвал на японской бирже. Выключай все, пошли в кабинет. К бару.

– Черт, давай хотя бы нарезку сделаю, чтобы закусить.

– Нет, Янчик, при таком резком развороте в своей жизни привыкай глотать без закуски.

Бергер увел меня с кухни, не церемонясь всучил в руки большой бокал, бросил туда два кубика льда, потом подумал и убрал один.

– Первые пару бокалов предлагаю не разбавлять, – пояснил он.

И щедро плеснул виски себе и мне.

Выпили не чокаясь.

Помолчали.

Леха разлил еще, и мы снова выпили.

– Давай по порядку, – велел он. – Как с ним познакомился, как понял, что тебя... ну это... влечет? Какие шаги принял?

Горло сразу сжало, что вдохнуть не мог. Прокашлялся, снова отпил из бокала и откинулся на кресле.

– Я начну немного раньше, – решился я на исповедь. – Ты знаешь, что у нас с Аллой очередной кризис...

– Какой по счету? – хмыкнул Бергер, не забывая подлить мне в бокал виски.

Я залпом влил в себя содержимое бокала, потряхнул головой, когда от крепкости все же свело челюсть, и выдохнул, приходя в себя.

– Он один, но затянувшийся.

Бергер кивнул, приглашая не останавливаться. Сам опять

наполнил бокал.

– Ты знаешь, что по молодости она не хотела ребенка, потому что жили в общежитии, жрать было не на что, с работой ни хрена не складывалось. Она права, какой в то время ребенок? Самим бы как-нибудь выкарабкаться.

– Это да. Ты знаешь, что с моей один в один было.

– Да... Потом пришел успех. Наш первый с тобой ресторан. Помнишь?

Бергер хохотнул, протягивая мне бокал. Я поддержал тост без слов, но понятный нам с той самой первой аферы, когда деньги инвесторов Бергер пустил не в биржевые обороты, а в открытие и раскрутку моего первого ресторана. Первого, получившего звезду Мишлен, ставшего брендовым, сделавшим мне имя!

Он рисковал. Я рисковал. Но мы безрассудно верили друг в друга и победили!

Да.

– Но я со своей развелся, а ты продолжал держаться за Алку, – подчеркнул Бергер, возвращая меня к проблеме.

– Я ее любил.

Мы погрязли в тишине, в которой вопрос друга прозвучал особенно резко:

– Любил? Больше не любишь?

Черт, я и сам не заметил, как произнес это в прошедшем времени. Я любил Аллу, а теперь?

– Н-не знаю, – заикаясь произнес я. – Мне кажется, что зря

она затягивает с ребенком. Я еще понимал, когда мы жили в нищете. И потом старался понять, когда она попросила пару лет пожить для себя, попутешествовать. Но пара лет как-то затянулась. Ей уже тридцать два, куда откладывать?

– Может, она не хочет от тебя детей?

Я пожал плечами и снова влил в себя вискарь.

– Может, уже и хочет, но я не могу.

– В каком смысле?

– Не стоит.

Бергер помолчал, потом тяжело вздохнул:

– Тут стоит выпить.

Мы снова опустошили бокалы.

– Вообще не стоит, или только на Алку? – уточнил Леха.

– Вообще стоит. Но не на Аллу.

– Хорошая новость.

– Нет, Леха. Плохая.

– Когда стоит – уже хорошо! – упорствовал Бергер.

– А когда стоит на парня?

Тут он помычал, а я отнял у него бутылку, налил себе до краев и снова выпил.

– Тогда переходи к Дану. Может, с ним что-то не так?

Я прикрыл глаза потяжелевшими веками, воскрешая в памяти образ Дани и его неповторимый запах.

– Оооо, Леха, с ним все очень даже так. Он очень тонкий, изящный... С утонченными чертами лица. Такие скулы... ммм... как лезвия ножей, кажется, дотронешься и об-

режешься! Глаза... Нет, у него глазищи. Посмотришь в них, а они как зимние озера, подернутые тонким льдом, коварные. Вот так поймашь его взгляд и тонешь. Зацепиться не за что, Лех... И губы...

Я застонал, пряча лицо в ладонях.

– Что губы? – надтреснутым голосом поинтересовался Бергер.

– Губы как засахаренная клубника, но это только видимость. Потому что запах искушает сложным букетом мяты, лимонной цедры, ванили и... горечью жженной карамели. Ты не представляешь, как он выбивает из-под меня почву каждый раз, когда я смотрю на его губы и еле сдерживаюсь, чтобы...

– Ян, посмотри на мои губы, – тихо попросил Бергер.

Я поднял голову и нахмурился.

Издевается?

– На хрена?

– Посмотри и опиши мои губы и их вкус, – настаивал Леха.

Я как идиот уставился на его губы, которые он нервно облизнул. Теперь они блестели, но не вызывали никаких ассоциаций.

– Ну? – поторопил меня Бергер. – Что-нибудь чувствуешь?

– Виски. Твои губы точно пахнут виски.

– Хочешь меня поцеловать?

Я отставил бокал. Кажется, на сегодня хватит пить и от-

кровенничать!

– Нет.

– Да, Ян. Поцелуй меня. Надо исключить вероятность, что тебя в принципе тянет к мужикам. А с кем, как не с лучшим другом?

Бергер поддался корпусом ко мне, вытягивая шею и губы трубочкой.

Я сморщился, но не мог отрицать логику друга. Все же у него всегда срабатывает безошибочная железная интуиция.

Закрыв глаза и подался вперед.

Вот сейчас и выясним, насколько я поголубел.

Но стоило чпокнуть Бергера в губы, как я отпрянул, отплевываясь и вытирая рукой свои.

– Ты отвратителен! Плесни мне виски, я продезинфицирую! Фу! Как тебе вообще это в голову пришло?!

Бергер оттирал себя не менее интенсивно:

– Думаешь, ты как амброзия? Противно... Бу-э-э... Меня сейчас стошнит. Сам наливай.

Леха поспешно свалил в ванную комнату при кабинете, а я не смог выпить и половины бокала, помчался следом, толкнув его, чтобы подвинулся.

Только через полчаса, обессиленные, мы сидели на полу ванной и пытались отдышаться.

– Давай в душ и по бабам, – пробормотал Бергер, с трудом поднимаясь.

Состояние было прескверное. Не уверен, что даже уснуть

смог бы в таком состоянии, а уж идти по клубам? Увольте!

– Я пас...

– Я не спрашивал, – буркнул сверху Леха и пнул меня носком туфли. – Иди приводи себя в порядок и едем в бордель.

– Да на хрена? – простонал я, хватаясь за кружащую голову и подавляя новый приступ тошноты.

– Потому что, Ян, по ходу ты влюбился в парня. А от ненужной влюбленности я знаю только один способ.

– Какой?

– Говорят, клин клином вышибают. Если у тебя не встает на Алку, это не значит, что встает только на парня. Сегодня оттянешься, трахнешь десяток телочек, и все пройдет. Главное, не заострять проблему там, где ее нет в принципе.

Это звучало намного лучше, чем бахнуть друга в губы. И я согласился, внеся только одну правку:

– Только не десяток, не заставляй...

– Трахнешь, сколько захочешь, – согласился Бергер и стал при мне раздеваться.

Я чертыхнулся и опрометью под его смех вылетел из душа.

Что бы дальше ни случилось, но Бергера я трахнуть точно не хочу! Надеюсь, к утру вместе с алкоголем из памяти выветрится и наш стремный поцелуй. Это не то воспоминание, которое я хочу оставить себе.

Все провалилось.

В клубе я находиться не смог из-за оглушающей музыки. Мы поехали с Бергером в отель и взяли восемь лучших эскортниц.

Пили...

Целовались...

Снова пили...

У меня не встал. Я искренне уговаривал себя, что по пьяному делу, иначе бы я ух!..

Но у Бергера встал, хотя пил он не меньше.

Я просто прикрыл глаза, жестом разрешая губастой блондинке реанимировать своего пассивного друга, сам откинулся на спину и прикрыл глаза. Даже с закрытыми глазами меня нещадно укачивало, а чавканье губ на члене раздражало.

– Просто расслабься, – донесся до меня голос Бергера, и я постарался.

Очень постарался.

Закрыв сильнее глаза и представил... Даню. И его трепетный взгляд. Подрагивающие губы... Которые сейчас касаются головки моего члена.

В венах зазмеились разряды, безжалостно жала и распространяя ток по телу. Член напрягся и требовательно уперся

в гортань девушки.

– Омм!

– Молчи! – прошипел я, сосредотачиваясь на мысленном образе.

Когда я стою со спущенными штанами, а он передо мной на коленях. С огромными влажными глазами, глядящими на меня с обожанием.

И я млею от его пронырливого резвого язычка, обрабатывающего мой член, как клубничку, вылизывающего, как мороженое. Отчего каменею и раздаюсь в размерах еще больше. Яйца поджимаются, внутри напряжение сворачивается и затягивается в тугой узел. Каждая жилка напряжена, готова палить из всех стволов.

Я не глядя кладу ладонь на затылок, мысленно ерошу короткие волосы Дана и насаживаю его рот глубже, так, что скольжу головкой по гортани и врываюсь под истошный рев!

Задыхаюсь от собственного оргазма и отпускаю эскортницу и мысленный образ Дани.

Как хорошо, что за мечты не ловят и не сажают. Потому что я с удовольствием повторил бы свой интим с участником шоу в реальности.

– Кыш, – распорядился Бергер и трюкнулся рядом со мной на диване. – Вот видишь, все получилось! А ты страдал, – ободряюще заключил он.

Но ничего не получилось. Я только что понял, что не успокоюсь, пока не трахну Дана в реале. Или не переболею им,

чтобы меня перестало так штырить.

Но стоит ли об этом знать Лехе?

Вряд ли. Пусть считает, что помог мне.

– Да. Все отлично. В голове ни одной мысли, – отозвался я, закрывая глаза и проваливаясь в беспокойный сон.

Утром проснулся от визга Алки, который изнутри взорвал мозг.

– Детей ты хочешь? Вот, значит, как ты их хочешь? Скотина! Лживая сволочь! Блудливая паскуда!

В меня полетела диванная подушка, увернуться я не успел и застонал от оглушающего звона колоколов в голове.

– Ты не получишь ребенка, – шипела Алла. – Ты будешь отвратительным отцом.

Запыхавшись, она замолчала.

Я с трудом разлепил веки и огляделся. Девчонок в номер не было, Бергера тоже. Я так и валялся на кровати в полуразобранном виде – в рубашке, но без штанов.

– Все. Я уезжаю, – снова заговорила Алла.

– Куда?

– На море. Мне надо отдохнуть и восстановить нервную систему. Я старалась. Я правда старалась, но ты опять все испортил, Ян!

Алка развернулась и молнией вылетела из отеля.

Я застонал, хватаясь за голову.

Как она меня здесь нашла?! Как?

В этот момент приоткрылась дверь ванной и выглянул

Бергер:

– Ушла?

В ответ я снова закрыл глаза, разглядев на голом бедре жирный смазанный след помады.

Вот сука!

– Минет считается изменой? – с тоской спросил я, догадываясь об ответе.

– Изменой той, на которую у тебя не стоит? – издевательски уточнил Бергер.

– Заткнись, – простонал я. – Как я вообще поддался на твою провокацию?!

– Я тебя напоил и соблазнил, чтобы подставить перед Аллой. Можешь воспользоваться, если ищешь виноватого.

– Так это ты ее позвал сюда?

– Нет.

– А как?..

– Не знаю.

Мы замолчали.

В душе и во рту словно кошки нассали. Все стало хуже, чем даже было. Вместо помощи я получил взбесившуюся жену. Друг подставил. А трахнуть Дана не расхотелось.

– Я пойду...

– Куда? – откликнулся Бергер.

– На работу. И... надо как-то уладить с Аллой.

– С ней можно уладить только одним способом – развестись.

– И жить одиноким бобылем, как ты? Нет. Это не мой сценарий. Я хочу семью и детей. Двух.

Бергер развел руками, расписываясь в бессилии. Он для себя решил уже давно, что не собирается влюбляться и жениться второй раз.

Но я не готов сдаваться. Буду бороться за нашу семью до конца.

Глава 5. Жесткий отбор

Ева

Критические дни, как всегда, ворвались в жизнь неожиданно и обильно. Я обливалась потом, чтобы не открыть себя. Приходилось отпрашиваться с кухни, чтобы без свидетелей уединиться в душе.

И мне впервые в жизни пришлось украсть.

В тот день, когда я забежала за прокладками в спальню, а там на моей кровати лежал сам Ян Заславский. Странно, что он решил отдохнуть именно на моем месте.

Как дура, я пыталась проделать дырку в полу взглядом, пока шеф даже не думал уходить. И как мне при нем доставать из ящика прокладки?

– Чем быстрее ты вернешься на кухню, там проще будет нам обоим! – прогнал меня Заславский, и я свинтила.

Недалеко. В одну из женских спален, где порылась в личных вещах Ангелины, взяла пару тампонов, потом у ее соседки Оли вытащила прокладку потолще и закрылась в туалете, сгорая от стыда, что мне пришлось пойти на такое.

Ничего... Нас двенадцать участников, точнее, уже одиннадцать. Это значит два с половиной месяца. Если я чудом не раскроюсь сейчас, то всего-то пережить еще два цикла!

Смогу. Буду очень осторожна, но смогу.

Поправила штаны, фартук и посмотрела в зеркало. По-

морщилась. Слишком большая прокладка немного выпирала даже через фартук. Я попробовала сдвинуть, но тщетно. А время поджимало!

Плюнула и побежала на кухню.

Михаил, наш су-шеф, нахмурился, но мотнул головой в сторону салатов. Я встала у секции и немного растерялась... Я, конечно, готовила раньше, но у Степана Александровича никогда не было секционного разделения.

В его кухне мы просто варили гарниры в больших и не очень больших кастрюлях, стругали салаты в тазы, запекали котлетки на большом противне. Все, что не распродавали, раскладывали по пакетам и замораживали.

В общем, все очень практично и безотходно.

Единственное, с чем я замораживалась в течении смены, это десерты. Вот их приготовить заранее или заморозить нельзя. Поэтому Степан Александрович, подумав, убрал выпечку из меню, оставив заводское мороженое.

Сейчас, на кухне Заславского, я понимала, что делать, как у Степана Александровича, нельзя. Но как нужно – не знала.

– Чего стоишь?

Со спины подошел Костя. Так неожиданно, что я подпрыгнула и развернулась в воздухе. Он стоял слишком близко. Если бы я в прыжке не вскочила на стол, то распласталась у него на груди.

– Готовить... Буду... Сейчас.

Константин выразительно посмотрел вниз, между моих

разведенных колен. Я тоже туда глянула и мысленно застыла. Прокладка окончательно выбилась и теперь вызывающе торчала.

Я подняла умоляющий взгляд на Костю. Заложит ведь, как пить дать заложит. Меня выгонят за обман – и минус еще один конкурент.

Но тут же заорал су-шеф:

– Данила! Снял свою задницу с разделочного стола! Вымой и обработай! Немедленно!

– Д-да! – крикнула я, пытаюсь сползти с рабочей поверхности, но Костя, как назло, даже не пытался отодвинуться.

Так и пришлось неловко просачиваться между столом и Костиным телом, мучительно краснея и досадуя, что не смогу с ним договориться сейчас. А вечером может быть поздно.

Сдаст меня Костя. Точно сдаст...

– Я помогу, – неожиданно отморозился он, хотя голос так и остался надтреснутым, как ледяная корка.

– Я сам...

– Обработывай, – коротко распорядился он, – а я помогу с заготовками.

И это меня окрылило. Вселило надежду. Я по кухне залетала, словно крылья выросли. Хотя Михаилу так не показалось.

– Хватит метаться, Дан! Подсобка сразу за дверью кухни, налево! – гаркнул он, и я вылетела в дверь.

Ну или метнулась.

Это смотря с чьего роста смотреть.

Костя оказался толковым парнем. Он не только помог с заготовками к салатам, но и объяснил, как рассчитать объем, какого размера и каким ножом резать. Показал доски и ножи для разных видов продуктов, а потом часть судков накрыл пищевой пленкой, а часть поставил в холодильник под крышкой, объясняя срок хранения.

Я смотрела на него осоловевшими глазами!

Знай он, что я девчонка, принял бы меня за влюбленную дурочку. Но именно сегодня мне так нужна была поддержка! А еще так некстати разыгрались гормоны, что пробивало на слезы от сентиментальности.

Под конец времени, отведенного для заготовок, я повисла на Косте, обнимая и сбивчиво благодаря за помощь.

Во мне была стопроцентная уверенность, что я справлюсь! Ведь главное на кухне – выжить и пройти смену до конца. А проявить себя смогу, когда поставят на десерты.

В этот вечер мы готовили под присмотром су-шефов. Это было последней репетицией перед генеральным открытием.

Я без перебоя подавала салаты. Костя стоял на горячем цеху, на мясной секции, и приглядывал за мной. Иногда подсказывая, иногда одергивая, иногда просто подмигивая.

Пару раз я нарвалась на похвалу Михаила. И это было очень приятно.

Пусть не Заславский, но его доверенный помощник! Если он хвалит, значит, я действительно молодец!

Под конец пробного обслуживания я была как выжатый лимон, но очень довольная, что свою секцию не подвела.

Михаил выстроил нас, чтобы подвести итоги вечера, а за стенкой точно также построили девочек и разбирали их вечер, удачи и ошибки.

– В вашей команде всего пять участников, – начал Михаил, – это значит победить в первый же вечер будет сложнее. Мы позиционируемся как ресторан комплексного питания. Это значит, что у нас не выбирают отдельно гарнир, отдельно протеин. Мы сразу приносим комплексное, сбалансированное блюдо. А это значит, что вам придется готовить, а главное, подавать на раздачу компоненты одновременно!

Он оглядел нас, притихших и уставших. Потом добил:

– Сегодня вы каждый были поваром своей секции. Вам было наплевать, когда подается гарнир, когда мясо. Вы вразнобой несли салаты и горячие закуски, хотя я зачитывал вам заказы с одного столика! А мы всем гостям столика подаем блюда одновременно.

Это мы знали. Эти стандарты Яна Заславского нам выдали одновременно с технологическими картами его меню.

– Поэтому я разберу с вами ошибки, допущенные только по части приготовления по картам. А вот время и коммуникации между собой наладите самостоятельно. Это будет ваше домашнее задание. Кто не выполнит – выйдет на ковер перед шефом Яном.

Мы привычно гаркнули «Да, шеф!» После полутора ча-

сов разбора ошибок по работе на секции у меня устали даже уши.

– Свободны, – отпустил нас Михаил.

Но мы знали, что никто нас не отпустит в комнаты, пока не приберем на кухне.

Поздно ночью, добравшись до спальни, все не сговариваясь просто рухнули в кровати без душа. Кроме меня.

Я с облегчением уединилась, сделала все свои женские дела и переоделась в мужскую пижаму.

Выключила свет, вышла из общей ванной комнаты и чуть не вскрикнула. Точнее, я бы вскрикнула, но он зажал мне рот рукой, толкнул обратно в темную ванную и прижался к губам в голодном поцелуе.

Костя?

А я думала, он мне друг!

Но сейчас, когда Костя всасывался мои губы и мял пальцами зад – я уже не была так уверена.

Значит, раскусил... И что потребует взамен? Спать с ним?

Но я не могу! Не буду.

Я оттолкнула Костю. Тот понял, отступил, поднял руки вверх.

– Прости. Хотел узнать, все ли у тебя в порядке и...

– И? – напряженно переспросила я, нервно дожидаясь ответа.

– Решил в омут с головой. Можно долго ходить вокруг да около, а потом жалеть упущенное время. Понимаешь?

Я мотнула головой. Нет, я его не понимала.

– Хочешь выпить? Пойдем посидим на кухне? Там нам никто не помешает. Поговорим спокойно.

Я слишком устала, но Костя мой единственный друг на кухне. И мне совсем не нужна огласка. Конечно, я согласилась и устало поплелась за ним на общую кухню.

Мы даже свет не включали, довольствовались подсветкой холодильника-витрины, из которого и достали по банке пива.

– Я задам тебе только один вопрос, – глухо произнес Костя, а я напряглась.

Какой вопрос он может мне задать? Зачем я обманываю Заславского? Почему я просочилась в мужскую команду, а не в розовую?

– Ты знаешь, что такое быть не таким, как все?

От глубокого философского вопроса я надолго присосалась к горлышку бутылки с пивом.

О да, я очень хорошо знаю, что такое выделяться в обществе. Но что от меня хотел услышать Костя?

Он внимательно следил, как я цежу пиво, пытаюсь сообщить, что ему ответить. Понимающе ухмыльнулся.

– Дан, я понимаю твои чувства. Никто тебя не поймет лучше, чем я.

– Правда?

Я пока не поняла, чем мне придется расплачиваться за это понимание. Сидела, слушала и мечтала скорее добраться до

кровати.

– За свои двадцать восемь лет я понял только одно, – продолжил Костя. – Надо принимать себя таким, какой ты есть. Даже если это никому не нравится. Даже если это считают противоестественным.

– О, это я понимаю! – я закивала, наконец-то в состоянии поддержать беседу. – Ты не представляешь, через какие препятствия пришлось пройти, чтобы поступить в кулинарное училище. Мамка была категорически против! Хотела в экономический запихнуть.

Костя нахмурился, но согласился.

– Главное отстаивать свои интересы, Дан. Не только в карьере, но и в личной жизни.

Он помолчал, потом наклонился ближе ко мне, понижая голос:

– Мне надо извиниться за тот поцелуй в ванной?

Я смутилась. По идее ему не надо было целовать меня! А ставить в тупик этим вопросом – вообще свинство.

– Да не-е-е, не бери в голову... Я не в обиде.

Я совершенно точно переживу, но когда же Костя подойдет к сути? Спросит, нафига я устроила тут маскарад, и назначит расплату?

– Тебе было неприятно? – Костя продолжил гнуть куда-то не туда.

Теперь хмурилась я.

– Не то чтобы... Просто, понимаешь, я думаю, все это луч-

ше делать в отношениях, а не вот так, спонтанно.

И тут Костя согласился. А я поняла, что, видимо, мне самой придется предлагать отступные.

– Кость, – я нервно облизнула губы, – я честно обещаю поддерживать тебя до конца проекта и не голосовать против, если ты сохранишь мою тайну. Не знаю, как ты догадался, но...

– Я знал! Знал! – он ударил себя в грудь и заулыбался.

– Но... мне бы не хотелось, чтобы об этом знали другие. Если можно, – закончила я.

– Они не узнают. Я буду хранить твою тайну, а ты мою.

Я обомлела:

– У тебя тоже есть тайна?

– Конечно! Такая же как у тебя, – заверил Костя.

Я скептически окинула его взглядом.

Не. Не может у него быть моей проблемы. Черт, что-то опять не сходится.

– Кость, что ты хочешь за молчание?

– Ничего, Дан. Просто давай дружить и поддерживать друг друга. И если тебе не противны мои поцелуи, то... Я не против продолжить.

Костя улыбнулся, а у меня замерло сердце. Я же на шоу шла за успехом, за карьерой, а никак не за отношениями.

Но я не успела ничего ответить, как Костя снова ошарашил:

– Я давно подыскиваю себе партнера. Ты не думай, что

для меня это спонтанно. Я тоже за серьезные и долгие отношения.

– П-партнера? – заикаясь пролепетала я.

– Я с самого начала присматриваюсь к тебе. Ты весь такой изнеженный, голос тонкий. Сам хрупкий. Я тебя не обижу, Дан. Но понимаю твое удивление. Ты ведь и подумать не мог, что я гей?

Бутылка выскользнула у меня из рук и пиво разлилось под ногами воняющей лужей.

– Гей? – повторила за ним и спрятала лицо в ладонях.

Это же надо так вляпаться! Костя не подозревает, что я девушка. Но я понятия не имею, как теперь балансировать в нашей дружбе и не влипнуть еще глубже.

– Пойдем отдыхать. У нас еще будет время во всем разобраться.

Костя поднял меня и снова, как будто случайно, прижал к себе, чтобы я почувствовала все его мышцы. Я отстранилась.

– Д-да. Ты иди. Я сейчас захою пол и тоже спать лягу.

Костя ушел. Я прибралась за нами на кухне, потом села на диван тут же и разрыдалась.

Что-то теперь я потеряла уверенность, что переодевание не выйдет мне боком. Если раньше на горизонте маячил только гнев Заславского, что само по себе деморализует, то теперь на меня обозлится Костя, который доверил мне свою тайну.

А я не знала, что теперь делать. Играть спектакль до кон-

ца, или идти виниться и заканчивать маскарад.

Но по здравому размышлению, если бы в розовой команде уже не хватало участников, остался бы шанс, что меня просто перевели. А так... выгонят. С другой стороны, может, меня уже завтра выставят с кухни? Зачем терять лицо и краснеть перед самим Заславским?

Проиграю в этом шоу, пойду уже Евой на восьмой сезон. Вряд ли он меня запомнит и узнает! А я все буду отрицать.

Эти мысли успокоили и приободрили. Теперь главное не спалиться слишком рано. И держать любвеобильного Костю подальше.

Боже, ну это же надо так влипнуть! Закадрить гея! Вот же черт.

За пару часов до первого открытия ресторана пришел Заславский. Какой-то помятый, с синяками под глазами. И злой.

Я всегда думала, что он орет специально перед камерами, а так – нормальный человек, где пошутит, где подбодрит. Но зря я так думала. Заславский четко попадал в образ шефа-дьявола. Орал и скалился так, что когда я опускала глаза в пол от страха, то боялась увидеть копыта.

Странно, что при всем своем говнохарактере от него просто с ног валило сексуальностью. Девчонки при одном его появлении сразу пьянели и теряли способность трезво мыслить.

Ну и я тоже.

Сегодня он не орал. Выстроил нас в шеренги перед собой и прожигал во мне дыры.

Я неловко поежилась.

За что?

– Первый вечер. Будет всего десять столиков. По пять на команду. Вы сделали заготовки и даже отрепетировали подачу благодаря Михаилу и Софье.

Су-шефы синхронно кивнули, каждый рассматривая свою команду.

– Мои стандарты вы знаете. Никаких поблажек не будет. И я не позволю позорить мое имя некачественными блюдами. Все понятно?

– Да, шеф!

– Открывайте «Пылающую кухню».

И завертелось.

Так сильно я давно не потела. Даже на репетиции! Зато Ян успевал орать на обе кухни.

При первых заказах у меня тряслись руки. Я раскладывала салаты, сбрызгивала их соусом и неслась к раздаче. Пасеровала баклажаны, кабачки и помидоры для теплого салата и, как космонавт, с таймером поджаривала говядину.

На моей секции был только один затык, когда заказали сразу шесть порций теплого салата и все я должна была подать одновременно.

Я запаниковала. Но на помощь пришел Костя. Он взял две сковороды с говядиной на себя, следя сразу за четырьмя пор-

циями мяса, а я двумя руками следила за овощами и еще за двумя порциями мяса.

Когда все шесть порций подала Заславскому, меня трясло от перенапряжения. Костя коротко прижал к себе и похлопал по плечу.

– Молодец. Справился, – прошептал он и сразу занял место на гарнирах. В этот вечер он отвечал за них.

Но тут раздался громогласный рев шефа:

– Дан!

Я вздрогнула и подпрыгнула от неожиданности. Вот теперь я поняла, что до этого ничего не знала о тряске и нервном перенапряжении.

Шефа ломало. Мы слишком долго, мне казалось, целую вечность смотрели в глаза друг другу. Потом он как-то скрипел и выдавил, скорее даже процедил:

– Отличная работа.

От облегчения я чуть в обморок не упала.

– Спасибо, шеф, – только и смогла пролепетать и отвернулась.

Если бы не отвернулась – глупо расплакалась. Я могу.

Костя улыбнулся и подмигнул.

Он хороший... друг. Жаль только, хочет от наших отношений большего, а я не могу.

Вечер шел своим ходом, мы стали подавать горячие блюда. И тут парни начали косячить. Хотя проблемы начались не только на нашей кухне, у девочек тоже не клеилось. Вы-

сокий голос их су-шефа разносился далеко. Она кричала не хуже самого Заславского.

Шеф немного подавил на Сему и Костю, когда те не смогли синхронизировать время одновременной подачи, и перешел на женскую половину.

Первой из кухни выгнали Олю.

Я не успела познакомиться с девочками, мы как-то сразу отделились друг от друга по зонам. Они зависали на кухне, а мужчины – преимущественно в общей комнате отдыха. Но Олю мне было искренне жаль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.